

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ПОТРОШИТЕЛЬ
ДУШ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Потрошитель душ

«ЭКСМО»

2015

Леонтьев А. В.

Потрошитель душ / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2015

Доктор был уверен: эта девушка, представившаяся Ариадной, обыкновенная сумасшедшая. Прочитала первую часть исторического романа его подопечного, известного писателя Державина-Клеопатрова, о возвращении Джека Потрошителя, и ее посетило видение – убийство, совершенное последователем знаменитого преступника в наши дни. Но вскоре выяснилось, что Ариадна не обманывала: убийство произошло и было обставлено именно так, как она описывала! Неизвестный копировал выдуманные события из публикуемого по частям романа, и личность маньяка из вымышленной вселенной могла стать ключом к раскрытию преступления в настоящем. Но Державин-Клеопатров упорно скрывал, кто в его книге окажется убийцей...

© Леонтьев А. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Антон Леонтьев

Потрошитель душ

© Леонтьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

«— Treize!¹ — дрожащим голосом воскликнула новоиспеченная графиня, и в ее необычайно притягательных, фиалкового цвета глазках мелькнул ужас. — Нас будет сегодня *тринадцать!* Захар, как такое возможно?»

Шурша шелками наимоднейшего парижского туалета, обошедшегося ее супругу в целое состояние, графиня резко обернулась и уставилась на дворецкого.

На невозмутимом лице Захара, внешностью и осанистостью походившего ежели не на римско-католического кардинала, так по крайней мере на архиепископа Кентерберийского, не дрогнул ни единый мускул. Глядя на вышколенного бледнолицего дворецкого, облаченного в камзол и белые перчатки, нельзя было допустить и мысли о том, что он вообще в состоянии проявлять эмоции.

— Захар, я же просила, чтобы гостей было сколько угодно, но только не тринадцать! — продолжала в гнев графиня, и сквозь маску учтивости проступила ее подлинная сущность — капризной, алчной, упрямой особы, которая никогда своего не упустит.

Дворецкий поклонился, взглянул на лист пергамента, который она держала в руках, и почтительно произнес:

— Ваше сиятельство, не извольте беспокоиться. Секретарь господина Державина-Клеопатрова телефонировал около часа назад и известил меня, что его хозяин заболел и на суаре к вам, ваше сиятельство, прийти не сможет. Однако приношу прощение за то, что не сообщил вам об этом сразу же, ваше сиятельство.

Графиня вознамерилась было сказать какую-либо колкость — все же стоило проучить этого дворецкого, который в их доме лишь несколько недель, а ведет себя так, словно управляет всем и вся, — но в этот момент в зал влетела девчушка лет трех, прелестная, как ангелочек, и донельзя похожая на графиню, так что никаких сомнений быть не могло: это была ее дочь.

— Мапочка, мапочка, расскажи мне сказку! — затараторила девчушка, и графиня тотчас забыла о нерасторопном дворецком и аристократичным мановением руки отпустила его. Жест действительно более чем элегантный и в то же время изящный был заучен и отрепетирован графиней в те далекие времена, когда она играла роль любовницы-интриганки, метившей в жены Герцога в водевиле «Силы судьба непреодолимы». О какой она имела успех в этой постановке! И жест в итоге пригодился, ведь она стала женой дворянина — и пусть не испанского герцога, а русского графа, но все равно, все равно...

— Лизетт! Скажи это по-французски! — потребовала от дочки графиня, а когда малышка, вместо того чтобы сделать, как велела мать, вцепилась ей в шуршащие юбки и заревела, окончательно потеряла терпение.

— Мадемуазель Дрюо! Mademoiselle Drouot! — пронзительно закричала она. Когда на ее зов явилась запыхавшаяся гувернантка, пожилая дородная дама с тройным подбородком и родимым пятном во всю щеку (при выборе воспитательницы для дочери графиня проявила непреклонность, отмела всех более-менее симпатичных и молодых кандидаток и остановила свой выбор на этой особе, которая, помимо ряда блистательных рекомендаций и изумитель-

---

¹ Тринадцать (фр.).

ного парижского выговора, обладала еще более важным качеством – была стара и страшна как смертный грех), графиня заявила:

– Мадемуазель, заберите Лизетт! И расскажите ей сказку!

Мадемуазель попыталась оторвать Лизетт от маминой парижской юбки, но девочка, которая пошла в родительницу не только внешностью, но и характером, заверещала:

– Мамачка, не хочу, не хочу! Расскажи ты мне сказку!

– Lisette, милая моя девочка, я расскажу вам сказку о Красной Шапочке... – заикнулась мадемуазель, но девочка захныкала пуще прежнего.

В этот момент донесся далекий звон дверного колокольчика, и графиня, которая была еще не до конца готова к встрече прибывающих гостей, вскричала:

– Lisette, крошка, сказку тебе расскажет мадемуазель Дрюо!

Она поцеловала девочку, которую гувернантка наконец отцепила от ее шуршащей юбки, и углубилась в мысли о том, какой из гарнитуров надеть – жемчужный фермуар, рубиновое кольцо или, быть может, недавний подарок мужа, редкостный бриллиант-солитер.

– Мамачка, не хочу, расскажи мне ты! Мадемуазель плохая, у нее в комнате плохо пахнет... И она не дает мне леденцы! – хныкала Lisette, а гувернантка пыталась отвлечь ее, начав рассказывать по-французски сказку о Le Petit Chaperon rouge².

Последующие двадцать минут графиня, поднявшись наверх, провела в своем будуаре, где, отворив вмонтированный в стену сейф, примеряла перед огромным зеркалом драгоценности. Она могла заниматься этим, без преувеличения, часами. Времена, когда ей нечем было заплатить за квартиру и приходилось делать то, о чем сейчас стыдно вспоминать, прошли, причем безвозвратно. Нет, что ни говори, но граф, ее супруг, был хороший и щедрый человек. Но...

Но ведь ему шел уже пятьдесят восьмой год! Лет тридцать назад, судя по старым портретам и дагерротипам, он был писаным красавцем, но теперь... А ведь она была молодая, чувствительная, красивая женщина! *А вокруг имелось так много соблазнов...*

Свой выбор она остановила на бриллианте, который, подобно одинокой звезде на ночном небосклоне, рассыпал в приглушенном свете свечей разноцветные блики. Графиня погладила его покатые грани и ощутила на шее приятный холодок. Никто еще не видел этого баснословно ценного подарка. Никто, кроме мужа, его преподнесшего...

А также ее Гриши, ее милого Гриши, с которым она предавалась греху в меблированных комнатах на окраине столицы, – и из одежды на ней оставался только этот бриллиант, что было так пикантно и возбуждающе! Они провели упоительные полдня, любили друг друга, засыпали и просыпались в объятиях, снова любили. И Гриша, ее милый Гриша, сказал, что купит ей камень еще больше, – потому что любит ее так, как никто на земле! Ах как это было хорошо! Жаль только, что его слова никогда не сбудутся, ибо у Гриши, *ее милого Гриши*, за душой ничего нет.

А у нее есть граф – миллионщик, важный чин и щедрая душа, покупающий ей гигантские бриллианты.

И все же... *И все же любила она не графа, а Гришу, милого Гришу!*

Как хорошо, что дела вызвали графа в Туркестан! Это значило, что она почти целый месяц сможет наслаждаться свободой. А также своим романом с поручиком Юркевичем...

Когда графиня вернулась в гостиную, она застала там уже четырех гостей. Первым с софы поднялся человек, ради которого все и собрались в этот промозглый ноябрьский день в ее доме на Мойке.

---

² Красная шапочка (фр.).

– Мадам графиня очаровательна, как всегда! – произнес месье Гийом, облаченный во все черное: это был крошечный мужчина с неприятным лицом, абсолютно лысым черепом и вкрадчивым голосом.

И помимо этого он был легендарным парижским медиумом, который почтил Петербург своим визитом и которого хотели заполучить к себе в гости все и вся, в том числе члены императорской фамилии. Однако именно в ее доме месье Гийом покажет, на что способен!

Медиум поцеловал графине руку, а она, нацепив елеиную улыбку, приветствовала баронессу фон Минден-Шейнау, дальнюю родственницу своего мужа. Приходилось делать вид, что они лучшие подруги, хотя они терпеть друг друга не могли.

– Ах, милая моя, какое чудное платье! – произнесла графиня, со злорадством отмечая, что платье, несомненно сшитое у лучшей модистки, идет баронессе как корове седло и нисколько не скрывает, а наоборот, подчеркивает все недостатки ее далеко не идеальной фигуры.

Баронесса взглянула на огромный бриллиант, украшающий шейку графини, и проскрипела:

– Душечка, что за прелестный камушек! Неужели топаз аль аквамарин?

Баронесса была приставлена графом к молодой жене в дуэньи, навевалась к ней в дом ежедневно и наверняка посылала многословные отчеты своему родственнику о том, как ведет себя его супруга.

– Отчего же, милая моя, индийский алмаз! – с милой улыбкой ответила графиня. – Серж мне привез из Лондона. Разве он не упоминал?

Она поприветствовала супруга баронессы, который все равно никогда ничего не говорил, а также элегантного юношу-бездельника, который отирался во многих салонах и наверняка был бы не прочь завести с ней роман, однако – по причине романа с поручиком Юркевичем – оказался не у дел.

Завязался разговор о драгоценных камнях, графиня даже сняла бриллиант с шейки. И месье Гийом, попросивший называть его мэтром, едва дотронувшись до него, провозгласил:

– Это камень смерти! О, вижу кровь, много крови! Ради него убивали и будут убивать!

Он говорил так проникновенно и убедительно, что всех охватил ужас.

– Милейший, ради любого бриллианта, в особенности столь большого, как этот, убивали и будут убивать! – раздался громкий насмешливый голос, и графиня, обернувшись, увидела коренастого господина с рыжеватой бородой.

– Ах, Глеб Трофимович! – сказала она удивленно. – Вы все же почтили нас своим визитом?

Известный беллетрист Державин-Клеопатров, поцеловав руку присутствующим дамам, произнес:

– Милая Зинаида Евсеевна, чуть свет – и я у ваших ног. Да, еще два часа назад думал, что умру от мигрени, а она возьми и пройди! Так разве мог я пропустить суаре в вашем милом доме! Что за чудный камешек! Разрешите, графиня?

И, ослабившись, произнес по-французски, обращаясь к парижскому медиуму:

– Месье, вы, говорят, предсказываете судьбу? Не соблаговолите ли мне погадать?

Держа в одной руке бриллиант, он протянул ему другую свою короткопалую, совсем не артистическую пятерню, покрытую густыми рыжеватыми волосками.

Блеснув глазами, мэтр отвечивал:

– Месье, мне не нужна ваша рука, чтобы увидеть печать смерти на вашем челе. Вы скончаеьтесь до конца года!

Беллетрист дернулся, и его попытка публично высмеять медиума, поскольку разного рода колдунов он на дух не переносил, считал шарлатанами и выводил в роли мерзавцев и прой-

дох в своих развлекательных романах, пользовавшихся огромной популярностью, провалилась. Но, не желая примириться с поражением, Державин-Клеопатров со смешком продолжил:

– Какого, позвольте полюбопытствовать? 1977-го? С учетом, что сейчас на дворе год 1913-й, а мне сорок два, перспектива прожить еще шестьдесят четыре года и скончаться старцем Мафусаилова возраста не так уж дурна!

Все рассмеялись, атмосфера, рожденная прямолинейной, повеявшей могильным холодом фразой француза, разрядилась.

– Увы, нет, месье! – тихо возразил медиум. – Печать смерти видна более чем отчетливо... Вы умрете до конца этого года!

У всех собравшихся, даже у молчаливого барона, вырвался крик негодования – *на дворе была середина ноября!*

Державин-Клеопатров, нервно усмехнувшись, просунул указательный палец правой руки под воротник, машинально поправил и так безукоризненно сидящий галстук и произнес:

– Не много же вы мне отвели, милейший!

– Не я, а судьба, месье. *Судьба!*

Возникла неловкая гнетущая пауза, обстановка могла взорваться в любую секунду, но тут, по счастью, Захар на всю залу объявил:

– Князь и княгиня Бобруйские! И полковник Цицер с супругой!

Графиня метнулась к двери, а беллетрист, сжимая в руке бриллиант, произнес:

– Что ж, ведь на кону небывалая ставка – моя жизнь! Потеря для литературного мира Петербурга, точнее для всей России, будет невосполнимая. В особенности для моего издателя, который на мне обогащается непомерно. Но на кону и ваша честь, мэтр! И профессиональная репутация. Скажи вы, что я скончаюсь через двадцать лет от, скажем, укуса кобры в Нубийской пустыне, никто и никогда не был бы в состоянии проверить это. Но вы отвели мне всего шесть недель земного существования!

Было заметно, что предсказание медиума, в правдивость которого беллетрист не верил, его все же задело, причем очень сильно.

– Ах, Глеб Трофимович, поведайте нам лучше сюжет своего нового увлекательнейшего романа, который должен выйти к Рождеству! – воскликнула графиня, вернувшаяся к гостям и пытавшаяся сменить неприятную и грозившую ненужным скандалом тему.

– Сюжет прост: в нем убивают известного медиума! – с усмешкой проговорил Державин-Клеопатров. – Однако давайте вернемся к моему предложению. Ставлю... Ставлю пять тысяч рублей золотом, что доживу до выхода своей новой книги, намеченного на Рождество! Ведь месье пророчит мне кончину в декабре...

Все уставились на медиума, но тот, склонив голову, ничего не ответил.

– Приглашаю всех ко мне на разговорение! – дерзко продолжал беллетрист. – И вас, месье, конечно, тоже. Правда, судя по вашим подсчетам, мне тогда не празднество организовывать надобно, а собственные похороны!

– Глеб Трофимович! – попыталась снова унять его графиня, но прочие гости с большим интересом следили за развитием событий. Заметим, многие пришли сюда не только для того, чтобы взглянуть на прославленного провидца, но и чтобы поглазеть, как графиня будет принимать в мужнином доме, в отсутствие супруга своего любовника, поручика Юркевича.

А тут новый скандал, да еще такой... *Такой жуткий!*

– А какова будет ваша ставка, месье? – спросил Державин-Клеопатров, избегая смотреть на медиума. – Хрустальный череп, украшающий вашу спальню, или колода карт, пропахшая серой?

Медиум воздел к потолку тонкие белые пальцы, а потом снял с одного из них явно старинный перстень с необработанным плоским темно-зеленым изумрудом, на котором было что-то вырезано.

– Он принадлежал моему пращуру, египетскому жрецу богини Изида, – сказал он тихо. – Можете удостовериться, что это не подделка!

Бросив взгляд на перстень, беллетрист кивнул:

– Отлично! Тогда все присутствующие стали свидетелями нашего пари, месье. И прошу вас не терять и не отдавать в залог перстень в ближайшие недели – он мне еще пригодится!

Беллетрист неловко взмахнул рукой, и бриллиант, который он все еще держал в руке и о котором напрочь забыл, перелетел через всю комнату, задел висящий на стене кривой турецкий ятаган, отчего тот покачнулся, и, зацепившись цепочкой за каминную решетку, повис на оной.

– Глеб Трофимович! – вскричала графиня. В возникшей суматохе Захар объявил о прибытии госпожи Чернозвоновой с дочерью.

И в этот момент турецкий ятаган с грохотом полетел на пол.

Когда наконец бриллиант был показан всем гостям и водружен обратно на шейку хозяйки, а ятаган снова занял свое место на стене, потекла обычная светская беседа. Графиня то и дело посматривала на большие бронзовые часы, и все понимали, что она ждет одного человека – своего любовника поручика Юркевича!

И все же центром внимания был мэтр Гийом. После перепалки с беллетристом Державиным-Клеопатровым, который обычно блистал сарказмом, а теперь больше отмалчивался, словно погруженный в думы, медиум снова превратился в эксцентричного, забавного иностранца. Неудивительно, что разговор вертелся вокруг потусторонних, мистических вещей, предсказаний и семейных проклятий. Княгиня Бобруйская как раз завершала рассказ о фамильном привидении, которое обитало в их тверском поместье, как вдруг раздался зычный голос беллетриста:

– И как это произойдет?

Княгиня смолкла на полуслове, потеряв нить повествования. Нахмурившись, графиня прошипела:

– Глеб Трофимович, прошу вас...

Смешно моргая, княгиня продолжила:

– И вот мой дядя решил спуститься в склеп, где покоится несчастная наша пращурка, не дающая покоя своим живым потомкам. Вооружившись фонарем и дубинкой, он ночью двинулся на заброшенное кладбище, располагающееся подле нашего поместья...

– Я хочу знать, как это произойдет! – прервал ее визгливым, даже истеричным возгласом беллетрист. – Это что, окончательный приговор, который обжалованию не подлежит? Чего мне бояться? Холеры, которой я заболею, выпив воды из Невы? Стремянки, при помощи которой буду доставать в библиотеке фолиант с последней полки? Резвых коняшек, который понесут мой экипаж?

Княгиня раскрывала и закрывала рот, походя на выброшенную на берег рыбину. Напряжение нарастало, было заметно, как на лбу у беллетриста вздулась вена. Зыркнув на медиума, как сыч, он крикнул:

– Ну, чего вы молчите, мэтр? Язык проглотили?

Месье Гийом вздохнул и тихо произнес:

– Материя, из которой соткана наша судьба, состоит из неведомого числа нитей. Одни рвутся, но тут же, словно из ничего, возникают другие. Узор, который казался ясным, вдруг на глазах, как стеклышки в калейдоскопе, меняется. И финальный рисунок оказывается совсем не тем, какой намечался с самого начала...

Он сделал паузу, собравшиеся смотрели на него, боясь пошевелиться.

– Не претендую на то, месье, что знаю все о механизмах судьбы и о том, как изменить предначертанное. Мне кое-что известно, возможно, чуть больше, чем обычным смертным, но не более того... Ибо всей полнотой знания об этом не обладает никто из живых!

Француз снова замолчал, вздохнул и продолжил:

– Поэтому, повторяю, судьба – это не линии, выбитые в граните, а тонкие, рвущиеся нити в ткацком станке Фатума. Вы правы – нет ничего неизблемого, ибо все течет и меняется. В том числе и река судьбы. И любое предсказание всегда содержит потенциальную ошибку. Ибо изменить судьбу можно...

– Как? – раздался чей-то томный голос, и мэтр слабо усмехнулся:

– О! Рецептов великое множество! Любой пустяк может изменить весь ход событий. Но, с другой стороны, можно целенаправленно пытаться избежать неминуемого – и потерпеть фиаско. Ибо только после того, как колесо судьбы, со скрипом прокрутившись, поменяет колею или даже направление, только тогда – и то, может быть, по прошествии многих лет – станет вдруг понятно: вот это был момент, когда все стало по-иному...

Он вздохнул, снял с пальца перстень и протянул беллетристу.

– Прошу меня извинить. Я не имел права быть столь прямолинейным. Пари выиграли вы. Державин-Клеопатров в бешенстве оттолкнул руку медиума и закричал:

– Не надо мне подачек, месье! Вы напророчили мне смерть и думаете, что все теперь в порядке!

– Я ошибся. Прошу извинить меня. Я ошибся, месье. Вы будете жить долго и богато...

Но эти слова не убедили никого, в первую очередь самого беллетриста.

– Если вы говорите, что можно изменить судьбу... То я хочу... Хочу сделать это! Но вы должны сказать, что мне грозит! Ибо только тогда я смогу принять эффективные меры! – возбужденно проговорил он. – Чего мне бояться? Или кого? Если я должен утонуть, то я запрусь дома и не буду даже принимать ванну до конца года...

– Однако... Вашей юной пассивности это вряд ли понравится, Глеб Трофимыч! – прогудел кто-то из гостей, но шутка обстановки не разрядила.

– Если я должен подавиться, то не буду есть! Если мне суждено поскользнуться на льду и сломать хребет, то не буду выходить из дома!

– Не забывайте, вам сегодня еще возвращаться – а на улице гололед... – заметил тот же голос, но супруга остряка зашипела на него, призывая к порядку.

Графиня, поглаживая пальцами висящий на шейке бриллиант, думала, что вечер, хоть и пошел не так, как планировалось, вполне удался. И завтра только и будет разговоров, что о предсказании и скорой кончине Державина-Клеопатрова.

И вот будет жуть, если он в самом деле до конца года отдаст богу душу!

– Месье, я не могу предсказать все с точностью до запятой... – произнес мэтр, но Державин-Клеопатров вцепился ему в руки и закричал:

– Можете! Я же вижу, что можете! Скажите правду! Я имею право знать ее!

– Друзья! Пройдемте в салон, там накрыт стол для любопытного ментального эксперимента, коий нам желает продемонстрировать мэтр Гийом! – пригласила графиня.

Нет, Державин-Клеопатров явно не в себе. Наверное, пьет много. Да и, говорят, злоупотребляет опиумом. Надо отказать ему от дома, потому что он ей так всех гостей до смерти перепугает...

Гости в самом деле выглядели испуганными, но с большим интересом следили за развитием драмы.

– Я имею право знать! – повторил беллетрист. – Хотите денег? Заплачу сколько нужно! Я богат, мои книги, признаюсь, полное дерьмо, но людишки их обожают и исправно платят...

– Глеб Трофимович! – призвала его к порядку графиня, поморщившись. В прежней жизни у нее в ходу бывали и не такие выражения, но времена изменились – *теперь она белая кость и голубая кровь!*

– То, что вы услышите, вам не понравится! – предупредил мэтр. – Но если вы настаиваете... Сядьте! Закройте глаза! Расслабьтесь!

Беллетрист послушно опустился в кресло, а медиум встал за спинкой, обхватил лоб закрывшего глаза Державина-Клеопатрова и застыл как статуя. Прошло несколько томительных минут, после чего медиума вдруг с силой отбросило назад, да так неожиданно, что все ахнули.

– Трюк, дорогая моя, такое может любой акробат! – произнес кто-то шепотом.

Трюк не трюк, но произошедшее произвело неизгладимое впечатление. Тяжело дыша, мэтр Гийом шаркающими шагами приблизился к беллетристу и дотронулся до его плеча.

– Вы свободны, месье! Я увидел то, что мне нужно.

Глеб Трофимович вскочил и с деланным весельем гаркнул:

– Милые мои, что у вас рожи такие кислые? А вы, мэтр, отчего молчите? Неужели меня придушит во сне юная любовница? Или я упаду, сраженный апоплексическим ударом, пересчитывая мешки с деньгами от моего издателя?

Месье Гийом посмотрел на него и сказал:

– В вашем случае, увы, печать смерти однозначна. Что бы вы ни предприняли, изменить то, что случится до конца года, нельзя.

– То, что я умру, мне ясно! – отозвался беллетрист, хорохорясь. И шутливо пригрозил собравшимся пальцем. – Но и вы все тоже, милые мои поросятки! И вы все тоже! Ибо бессмертных людей не бывает! Разве что наш парижский друг и его древнеегипетский предок, жрец богини Исиды! Так ведь?

Мэтр устало произнес:

– Да, мы все умрем. И я в том числе. Но дату я предпочитаю не знать. А вот вы хотели...

– Так от чего я умру? – спросил Державин-Клеопатров. – Неужели от банальной инфлюэнцы? Господи, чувствую, что у меня начинается простуда!

Месье Гийом поднял на него глаза и сказал:

– Вас убьют, месье. *Вырежут сердце.*

– Ах! – воскликнула одна из дам, падая в обморок, то ли настоящий, то ли притворный.

А Захар объявил на всю залу:

– Поручик Григорий Аполлинарьевич Юркевич!

Появление поручика тотчас все изменило. Видимо, слова мэтра были столь ужасны, что о них хотелось тотчас забыть. Беллетрист, то ли потрясенный, то ли погрузившийся в думы, сел в кресло и не принимал участия в светских беседах.

Все остальные глазели на красавца поручика, который, лихо подкручивая ус, гарцевал возле смущенной графини. Без сомнения, они выглядели удивительно гармоничной и невероятно красивой парой. Но проблема заключалась в том, что графиня была замужем, а поручик – беден как церковная мышь.

Хозяйка дома пребывала на седьмом небе от счастья от одного вида человека, с которым изменила супругу. Но ведь граф сам виноват! А Гриша такой... Такой страстный... *В особенности когда они проводят время tête-à-tête...*

Взгляд графини упал на сидящего в кресле беллетриста Державина-Клеопатрова. Отойдя к Захару, ожидавшему указаний, она тихо произнесла:

– Подай ему чаю! А затем предложи отвести домой!

Захар почтительно кивнул и исчез. И почему этот несносный писака не остался дома! Ведь из-за него присутствующих стало ровно тринадцать – а графиня была суеверна. Но если он уедет домой, то их будет дюжина.

Хорошо, что Державин-Клеопатров притих и более не буянил. После того как графиня и поручик продемонстрировали собравшимся весь арсенал своих допустимых в свете амурных проказ, настало время снова привлечь внимание к мэтру Гийому.

Хлопнув в ладоши, графиня произнесла:

– Друзья, я уже говорила, что нас ожидает прелюбопытный ментальный эксперимент. Ведь так, мэтр? Пройдемте в салон!

Захар распахнул двери смежной с залой комнаты, окна которой были предусмотрительно завешаны черными шторами, а посередине стоял овальный стол, вокруг которого выстроились стулья с высокой спинкой. Стульев было двенадцать.

Графиня взглянула на беллетриста, который прикорнул в кресле в зале, кивнула Захару, и тот бесшумно закрыл двери, разделявшие салон и залу.

В салоне горели свечи, отражаясь в зеркале, висевшем на стене. По требованию мэтра огня в камине не разводили.

Гости опустили на стулья, и графиня почувствовала, как горячая рука поручика Юркевича скользнула по ее талии. Сердце отчаянно забилося.

– Слово вам, мэтр! – сказала графиня. Маленький смешной человечек поднялся со своего стула, и на стене возникла отбрасываемая им тень – огромная, горбатая, пугающая. *Как будто не человек это был, а чудище.*

– Мадам, месье! – произнес он тихо. – Ее сиятельство была столь добра, что пригласила меня к себе и просила устроить небольшой эксперимент.

Графиня почувствовала, как рука поручика стала забираться ей под юбки.

– Однако прошу вас запомнить: то, чему мы станем сейчас свидетелями, не шутка и относиться к этому надо крайне серьезно.

Шаловливая рука поручика добралась до резинки чулок графини.

– Настоятельно прошу никого не выходить из салона во время эксперимента.

– Это очень страшно? – пискнула дочка госпожи Чернозвоновой, а мэтр вдруг улыбнулся и сказал:

– Мадемуазель, уверяю вас – покуда я здесь, никому ничего не угрожает. И как бы страшно ни было, бояться совершенно нечего. Ибо я контролирую происходящее! Итак!

Он хлопнул в ладоши, и тут же все свечи, находящиеся в салоне, словно по команде погасли. Раздался женский визг, а рука поручика на мгновение замерла, а затем продолжила наступление.

– Дешевый трюк! Любой студент-химик вам такое может сварганить! – раздался давешний ворчливый голос.

Графиня еле сдерживалась, чтобы не застонать – поручик Юркевич знал свое дело. Но в этот момент раздался вкрадчивый голос мэтра Гийома:

– Прошу всех положить руки на стол. Причем если я говорю – всех, то я и имею в виду всех!

Поручик извлек руку из-под юбок графини.

– Положите их обеими ладонями вверх. Все сделали это? Нет, не все! Прошу сделать так, как я сказал!

Снова молчание, сопение, тихий скрип. В салоне было темно, хоть глаз выколи. Графине на мгновение показалось, что за ее спиной кто-то прошел. Стало по-настоящему жутко. А потом она подумала, что это мог быть мэтр или любой другой гость – *если бы кто-то встал со стула и решил переместиться в салоне, другие бы этого просто не увидели!*

До нее донесся слабый звук, словно кто-то приоткрыл дверь, ведущую в залу. Но нет, зачем кому-то выходить из салона? Хотя, быть может, какой-нибудь даме сделалось до такой степени не по себе, что она решила тайком выскользнуть прочь.

– Вы чувствуете тепло в ладонях? Оно растекается по вашему телу...

Графиня действительно ощутила тепло в ладонях, а потом поняла, что это рука поручика.

– А вот если я ощущаю холод? – спросил все тот же скептический бас.

Кто-то хихикнул. Мэтр снова хлопнул в ладоши, призывая присутствующих к порядку. А затем он хлопнул в ладоши еще раз, и свечи снова зажглись. Графиня обвела взглядом

сидящих за столом. Нет, все на месте. А вот дверь в залу чуть приоткрыта, хотя она помнит, что Захар плотно закрывал ее.

Значило ли это, что, пока было темно, кто-то вышел в залу и вернулся обратно? В конце концов, ничто человеческое никому не чуждо – один из гостей возжелал воспользоваться уборной, не привлекая к этому факту чрезмерного внимания, посему и решил сделать это в тот момент, когда в салоне царила тьма египетская. А потом гость – или гостья – вернулся и занял прежнее место, забыв, однако, прикрыть дверь как следует...

– Я знаю, что каждый из присутствующих желает получить ответ на сокровенный вопрос! И вы получите! Потому что те силы, в контакт с которыми я войду сейчас, умеют предсказывать будущее...

– Пардон, мэтр, но вы ведь сами говорили, что будущее до конца не сформировалось и его можно изменять. Как же тогда некие силы могут предсказывать то, что, быть может, никогда и не случится? – раздался приятный баритон – графиня узнала в нем голос юного бездельника, набивавшегося к ней в любовники.

– Срезал! – пробасил скептик, в котором каждый давно уже узнал полковника Цицера.

– Каков ваш сокровенный вопрос? – сказал мэтр, и юноша засопел. Графиня усмехнулась – похоже, ему было стыдно произнести свой вопрос вслух! Еще бы, ведь не исключено, что несчастный хотел узнать, суждено ли ему оказаться в будуаре хозяйки дома и предаться с ней любви!

– А вот я бы хотел узнать, надо ли вкладывать в голландские акции железнодорожного треста? – произнес некто, чей голос ей не был знаком, и графиня вдруг поняла, что рот раскрыл муж баронессы, обычно всегда молчавший. Ну надо же, какие проблемы его, оказываются, занимают!

– Снова срезал! – хохотнул полковник. – Прямо цирк шапито!

– Сконцентрируйтесь на своих вопросах, мадам и месье, не произнося их вслух! И вы получите ответ! Получите ответ... *Получите ответ...*

Голос мэтра Гийома менялся: первая фраза была произнесена шепотом, вторая громким фальцетом, третья – еще более громким сочным басом.

– Я здесь! – продолжил бас, и графиня в ужасе замерла. Господи, неужели в медиума вошел чей-то дух? Или душа? *Какая, интересно, разница между духом и душой*, хотя о чем она думает?..

Поручик снова попытался взять приступом цитадель ее подвязок, но она пребольно ущипнула его за ладонь, и любовник успокоился.

– Кто хочет быть первым? – продолжил голос, который вдруг превратился в милый женский, говорящий по-французски с явным эльзасским акцентом. Сам же мэтр до этого был обладателем наичистейшего парижского произношения.

– Я! – громогласно заявил полковник Цицер. – Я хочу знать, смогу ли я...

– Молчите! – заявила неведомая женщина (*или мэтр женским голосом?*). – Вопрос мне понятен, я прочла его в вашей ауре. Ответ на него гласит...

Она смолкла, а полковник вальяжно произнес:

– Ну, пиццать, как тетка с базара, я тоже могу. Говорю же вам, цирк шапито!

В этот момент снова раздался женский голос:

– То, чего вы так страстно хотите, не сбудется. И повышения вам не видать. Ваша задумка, чтобы добиться одного, неплоха и даже может дать результаты, однако помните – если вы рискнете играть ва-банк, то новое назначение принесет вам несчастье! И не исключено, смерть!

– Что за черт! Откуда тебе известно... – раздался изумленный голос полковника, который, как все поняли, получил ответ на свой вопрос.

– Следующий! – произнес по-английски с гнусавым американским акцентом голос молодого человека. – Бабу, хочу бабу! Ну, пусть баба вопрос задаст!

Никто не хотел задавать вопрос, голос стал сыпать сальностями, но наконец решилась воспользоваться услугами несносного янки госпожа Чернозвонова. Она, как и полковник, сконцентрировалась на своем вопросе. Американец вдруг хрюкнул, а потом произнес:

– Ну ты даешь! Надо было раньше думать, до того как подсыпать своему мужу в чай мышьяк! Теперь уже поздно!

– Ах! – вскрикнула госпожа Чернозвонова, явно порываясь встать, но тут дряхлый надтреснутый голос по-русски с московским говорком произнес:

– Милостивая государыня, прошу извинить предыдущего оратора. Мальчишка, к тому же сорвиголова. Даром что иноземец.

– Но мне страшно! Я хочу выйти! Я... – заголосила Чернозвонова, которую, казалось, слова юного американца тронули до слез. А графиня вспомнила, что с момента кончины ее супруга, человека более чем обеспеченного, ходили слухи о том, что Чернозвонова его отравила. *Неужели духи подтвердили факт этого кошмарного преступления?*

Было жутко до мурашек, но в гораздо большей степени интересно узнать, что же будет дальше.

– Милостивая государыня, если вы уйдете, то будет нарушен соединяющий нас всех астральный шнур и эксперимент придется тотчас прекратить! – сообщил старец, но Чернозвонова упорствовала, даже поднялась, чтобы уйти, но тут ее кроткая дочка, которой та всегда помыкала, произнесла на весьма скверном французском:

– Маменька, сядьте и примолкните! А обо всем остальном поговорим с вами дома!

Чернозвонова беспрекословно подчинилась. Тотчас опустилась на стул и перестала капризничать.

– Не бойтесь, хорошие мои, не бойтесь! – успокаивал голос. – Так кто еще хочет получить ответ на сокровенный вопрос?

Графиня решилась и произнесла:

– Я!

Она зажмурилась, сжимая в руке бриллиант и думая о том, как было бы хорошо стать вдовой и соединиться узами брака с поручиком. В конце концов, если Чернозвонова успешно избавилась от своего мужа, *то почему ей самой не избавиться от графа?*

– И не думай! – произнес сердито старец. – Ясно тебе, девка, и не думай об этом! Ибо все равно все пойдет вкривь-вкось. Да и не любит он тебя, а только твое, тьфу, тело и твои, тьфу, деньги! Так что не думай!

Графиня ойкнула, ощутила горячую руку поручика и в бешенстве ее отпихнула. *Неужели...* Неужели поручик ее не любит? Конечно, она понимала, что у них быстротечный, светский, поверхностный роман. Но она, кажется, влюбилась в него. А вот он, выходит, ее не любит и видит в ней только возможность блеснуть новым завоеванием и утолить свою похоть...

А голос уже сменился – в салоне гроыхал громкий фельдфебельский бас, который плевался длиннющими немецкими ругательствами. Судя по всему, это был тевтонский вояка.

На сей раз задать вопрос решил князь Бобруйский. Снова воцарилась томительная тишина, а потом немец прорычал:

– Забудь об этом, князь! Просто-напросто забудь! Зачем тебе сын, у тебя же имеется прелестная и умная дочь! О ней заботься, о ней думай! А о сыне забудь!

Судя по тому, что вслед за этим раздались два потрясенных восклицания – князя и княгини Бобруйских, – стрела опять угодила в цель.

После этого наступила долгая пауза, и все в необычайном нервном напряжении ждали продолжения занимательного сеанса. Графиня уже предвкушала слухи и сплетни, которые

поползут по Петербургу, – о, мэтр Гийом будет иметь оглушительный успех! Им наверняка заинтересуются и августейшие особы, а тогда и она сама получит возможность быть представленной ко двору. И все будут знать – именно в ее доме мэтр устроил свой первый сеанс! Какой успех, какая сенсация, какое счастье!

– Ну что, неужели больше никто не желает поговорить? – произнес детский голосок – по-русски, но с азиатским акцентом. – Давайте я сама выберу! Пусть спросит тот, кто моложе всех!

Графиня кашлянула, желая обратить внимание нового духа на то, что вопрос она уже задавала, а потом в смятении поняла, что за столом она не самая молодая! Моложе всех был этот самый томный юноша, кажется, Лавруша, который пытался за ней приударить.

– Ваше сиятельство, не вы! – раздался веселый детский голосок. – А вот он! Лавруша, прошу тебя!

Раздались сдавленные смешки. Молодой человек, судя по всему, напрягся, сконцентрировавшись на вопросе. Потом детский голосок рассмеялся и заметил:

– А вот это вполне возможно! Только не стоит тебе все же думать о подвигах в будуарах чужих жен! Потому что однажды муж-рогоносец крепко поколотит!

Снова слышались смешки, на этот раз гораздо более явные. Графиня смутилась – неужели Лавруша мысленно задал вопрос, касающийся ее самой? Какой, однако, негодник! *Впрочем, очень даже прелестный негодник...* Поручик будет жутко ревновать, но так ему и надо!

Раздался натужный кашель, который долго не прекращался. А потом тихий дребезжащий голосок по-французски произнес:

– Я к вашим услугам! Думаю, надо уступить место одной из дам!

– Разрешите мне! – слышался голос дочки мадам Чернозвоновой, но та, видимо, все еще находясь под впечатлением от сказанного в собственный адрес, крикнула:

– Ни за что! Я тебе запрещаю, ты слышишь, запрещаю!

Голос снова кашлянул и сказал:

– Ну, тогда вы, мадам баронесса! Вы ведь хотите задать вопрос, не так ли?

– Собственно, нет... – ответила та испуганным тоном, и тогда раздался шепот ее обычно немногословного супруга:

– Об акциях спроси, Амалия, об акциях! Или дай я сам спрошу...

Голос со смехом заметил:

– Месье барон, вам лучше об акциях забыть. Новый Рокфеллер из вас все равно не выйдет. Но давайте же предоставим возможность вашей супруге...

В этот момент голос снова зашелся кашлем, который все нарастал и нарастал. Графиня в тревоге попыталась рассмотреть в темноте фигуру мэтра. *Быть может, ему требуется стакан воды?*

Кашель стал ужасно громким, а потом вдруг моментально прекратился. Возникла тишина – как на кладбище. Графине стало страшно, *ужасно страшно...*

А вместо кашля раздался хохот, да такой, от которого в жилах начала стынуть кровь. Дамы завизжали, мужчины заскрипели стульями. А сатанинский хохот все продолжался и продолжался.

– Гийом, прекращайте ваши шуточки! – произнес кто-то из господ, и хохот оборвался. А потом слышался голос, говорящий по-русски, но с каким-то странным акцентом. Голос был громкий, властный, наводящий страх.

– Всем сидеть! Кто сдвинется, того поразит молния! Но нет, шучу! Однако ж отрадно, что я смогу наконец выбраться отсюда...

– Откуда? – спросила, кажется, дочка госпожи Чернозвоновой пискливым голоском, и новый гость охотно ответил:

– Оттуда, милая моя, где сейчас находится ваш папаша. *Из ада!*

И снова зарокотал кошмарный сатанинский хохот! Графиня страстно захотела, чтобы негодный поручик накрыл ее руку своей, но он этого почему-то не делал. *Неужели сам испугался?*

– Мне страшно, прекратите! – послышался сдавленный женский голос, на что гость из ада заявил:

– Вам и должно быть страшно! Думаете, что все эти игры невинны? Как бы не так! Вообще-то сейчас на очереди была эта глупая французская гусыня, но я прогнал ее! Потому что мне надо сообщить вам нечто очень важное!

Он снова захохотал, но его прервал строгий голос полковника Цицера:

– Кто вы, любезнейший? Извольте объясниться! Иначе мы сейчас все встанем и уйдем...

– Никуда вы не уйдете! – злобно отозвался голос. – Потому что тот, кто первым встанет из-за стола, умрет в течение трех дней! *Точнее, будет убит!*

Дамы ахнули, кто-то, кажется, даже всхлипнул.

– Хотите знать мое имя? Оно вам ни к чему! Лучше сообщу вам то свое прозвище, под которым меня знает весь мир! Дамы и господа, я Джек-потрошитель!

Снова раздались стоны и вздохи. Графиня сама схватила руку поручика. Как жутко, но в то же время увлекательно! О, ее суаре будет иметь успех, причем небывалый!

– Милейший, но Джек-потрошитель, сдается мне, был англичанином! – сказал кто-то из мужчин, кажется, князь Бобруйский. – А вы шпарите по-русски, как заправский русак.

– А кто сказал вам, что он был англичанином? – парировал злобный голос. – Он мог быть и русским, ведь так? Я мог быть и русским! Или поляком! Или... Но это не так важно, ибо здесь, *в аду*, национальность предыдущего тела не имеет никакого значения. Некоторые из нас юродствуют, цепляясь за прошлое, говоря на том языке, на котором говорили, когда были живы. Важно не то, в каком теле мы были раньше, а то, в какое тело мы переселимся в будущем. Точнее, в какое тело переселюсь я! Я – Джек-потрошитель!

Он снова хохотнул, а потом заметил:

– Ведь в эти дни исполняется двадцать пять лет с моей смерти... Я погиб тогда, в ноябре 1888 года, вскоре после самого грандиозного своего убийства! Не буду раскрывать интригу и сообщать вам, покончил ли я с собой, был ли убит или стал жертвой нелепого несчастного случая... В любом случае я не завершил то, что так страстно желал! Я хочу убивать, как и раньше!

Все подавленно молчали, и только графиня, которой было не по себе, пролепетала:

– Мэтр, прошу вас, это ж очень жутко... Прогоните его!

– Твой мэтр, милая крошка, всего лишь мой рупор! – отвечивал ей тот, кто именвал себя Джеком-потрошителем. – Я слишком долго ждал этого момента, целую четверть века! Думаете, здесь, в аду, хорошо? Впрочем, скажу честно – не так уж плохо, в особенности для таких, как я. Однако ужасно скучно! А ведь я не довел до конца то, что с таким упоением вершил в Лондоне! Все эти годы я хотел одного – вернуться и продолжить убийства!

– Господи, моя жена, кажется, в обмороке! – произнес барон фон Минден-Шейнау, а голос подхватил:

– А, твоя жена! Да, она пока что в обмороке! Но учти – она скоро умрет! Я возвращаюсь из ада на землю! И открываю новую серию убийств! И твоя глупая гусыня станет новой жертвой! А хотите знать, кого я буду убивать в этот раз?

– Это переходит все границы... – начал полковник Цицер, а голос заявил:

– Я убью всех вас – одного за другим! Вас, кто осмелился поднять занавес, разделяющий мир живых и мертвых! Одного за другим, вы это поняли? Никому не избежать расправы! Я вырежу у каждого из вас сердце!

– Ах! Прошу вас, заставьте его замолчать! – закричали сразу несколько женских голосов.

– Одного за другим! И моей второй жертвой после возвращения из ада будешь именно ты, баронесса! Вы ведь заметили, что я сказал – второй? Это значит, что уже имеется первая! Потому что пока вы тут все выли и канючили, я успел совершить убийство! Убийство в твоём доме, прелестная графиня! А ведь рано или поздно я доберусь и до тебя!

Он захохотал, а после этого послышался звук отодвигаемого и падающего стула. И грохот чего-то весомого, кажется, человеческого тела. Несколько гостей вскочили, требуя зажечь свет. Графиня была в восторге, хотя ее бил нервная дрожь. В ее доме появился дух легендарного лондонского убийцы, Джека-потрошителя, объявившего о своем возвращении на грешную землю и о продолжении серии жесточайших убийств! О, это так пикантно и так захватывающе! *Лучше, чем в самом увлекательном романе Державина-Клеопатрова!*

Наконец зажгли свечи, и глазам гостей предстала ужасная картина – распростертое тело мэтра Гийома, неподвижно лежавшее на полу.

– Сеанс общения с говорливыми призраками окончен! – пробормотал поручик Юркевич, склоняясь над мэтром. – Черт побери, кажется, он мертв!

– Неужели удар? – ахнул кто-то. А другой голос испуганно заметил:

– Это и есть первая жертва вернувшегося из преисподней Джека-потрошителя! Господи, он вспорол ему брюхо!

Раздались вопли, и сразу несколько гостей покинули салон. Графиня почувствовала секундную слабость и с благодарностью оперлась на руку поручика, которую тот галантно ей подставил.

– Что за чушь! – воскликнул князь Бобруйский, склоняясь над медиумом. – Он жив, только в глубоком обмороке, если, конечно, не придуривается. Прикажете принести воды! И давайте перенесем его на кушетку в зале!

Вместе с поручиком они подхватили мэтра под мышки и за ноги и отнесли в смежный салон, где горел яркий электрический свет. Графиня вздохнула полной грудью, машинально погладила висящий на шее бриллиант и в который раз подумала, что суаре удалось.

Перевоплотившись в заботливую хозяйку, она вышла в переднюю, где госпожа Чернозвонова с дочерью и барон с баронессой спешно собирались покинуть ее дом. Захар и младший лакей услужливо подавали им шубы.

– Милая Зинаида Евсеевна, у меня ужасно разболелась голова! – прошептала, прикладывая к глазам крошечный кружевной платочек, госпожа Чернозвонова. – Все эти голоса, все эти кошмарные обвинения...

Графиня подумала, что обвинения прозвучали в адрес только одного человека – *самой госпожи Чернозвоновой*. Выходит, дух оказался прав и эта особа действительно отравила своего ужасно богатого и, по слухам, крайне жестокого мужа мышьяком?

– Лидия, пошевеливайтесь! – прикрикнула Чернозвонова на дочь и, попрощавшись с графиней, вышла прочь.

– Не думаю, милая моя, что граф Антон Антоныч одобрил бы подобное представление в своем доме! – заявила, поджимая губы, баронесса. Она уже пришла в себя после обморока, который, по мнению графини, был всего лишь дешевой комедией. Нервы у баронессы были толще судовых канатов. И графиня не сомневалась, что эта особа тотчас отошлет графу письмо с обстоятельным описанием всего, что произошло на суаре. Не забыв, конечно же, упомянуть и появление поручика Юркевича...

– А вот я думаю, что граф был бы в восторге! – возразила графиня и мстительно добавила: – И душа моя, берегите себя! Ведь этот ужасный голос предсказал вам скорую смерть от его руки!

Баронесса дернулась и, натягивая на руки перчатки, прошипела:

– О! Духам верить нельзя! Они вечно лгут, наводят тень на плетень, пытаются повлиять на нас, живых, запугивают, страшат. Это наверняка дух какого-нибудь безумца или шутника,

который даже там, в мире теней, не может обуздать свою гордыню и темперамент. Он прикинулся этим кошмарным Джеком-потрошителем, но говорил-то по-русски!

– Дорогая, но я тогда, помнится, с большим интересом штудировал прессу, как нашу, так и международную, и в ней выдвигались теории относительно того, что Джеком, потрошившим девиц легкого поведения, был иностранец – например, студент-медик из России! – выдал вдруг ее муж-барон, и графиня отметила, что то была самая долгая речь, которую она слышала от него за все годы знакомства.

Баронесса снова дернулась, уронила вторую перчатку и произнесла:

– Генрих, не пугай меня! Даже если этим Джеком был и русский, он ведь давно мертв! Иначе бы вряд ли сделал паузу длиной в четверть века!

– Да, он мертв, попал в ад, но теперь, в двадцать пятую годовщину своих злодейств, решил вернуться на землю! – присоединяясь к ним, проговорил замогильным голосом поручик Юркевич. – Его душа войдет в другое тело и продолжит смертоубийство!

Ему явно нравилось устрашать баронессу, оплачивая ей тем самым за доносы графу.

Младший лакей подал баронессе перчатку, и она, надев ее, заявила:

– Тогда этот ирод лишил жизни дам легкого поведения...

И самым бесстыдным образом взглянула на графиню! Та покраснела – *да как она смеет намекать на такое!*

– Но в этот раз он решил убить всех нас, тех, кто присутствовал на спиритическом сеансе! – напомнил поручик. – И вы, баронесса, станете первой жертвой!

– Второй! – высокомерно возразила та – прежнее самообладание уже вернулось к ней. – Этот Джек обещал еще одну жертву до меня, причем в вашем доме, графинюшка! Вам стоит запирать свой будуар на все имеющиеся замки!

Графиня испуганно захлопала ресницами – а что, если Джек убьет сначала ее саму и только потом баронессу?

– Но нам нечего бояться! – успокоила ее баронесса. – Ибо это не Джек-потрошитель, а Джек-лгунишка. И вообще, этот французишка наверняка шарлатан. На вашем месте я бы гнала его из дома в три шеи! *Au revoir*, милая моя!

Сопровождаемая молчаливым супругом, баронесса выплыла в ноябрьскую тьму. Пользуясь тем, что в передней они оказались одни, поручик привлек графиню к себе и поцеловал. Она сопротивлялась, но не очень сильно.

Как всегда, бесшумно появился дворецкий Захар. Его осторожное покашливание привело графиню в чувства. Отпрянув от поручика, она сердито спросила:

– Как там мэтр? Пришел в себя? Ты принес льда?

– Месье гораздо лучше, ваше сиятельство. Не будет ли иных распоряжений? – спросил Захар, и графине почудилось, что на его постном лице блуждает странная ухмылка. Нет, не хватало еще, чтобы слуги ей косточки перемывали!

Графиня вернулась в залу, где застала месье Гийома, полулежащего на кушетке и прижимающего к лысому черепу брикет льда.

– Мадам, я безутешен! – произнес он, порываясь встать, что у него, впрочем, не получилось. – Как я понял со слов княгини и князя, в мое тело вошел какой-то злобный дух, который всех вас напугал, пророча несчастья и кошмары. Но причин для беспокойства нет – мне знакомы подобные мятежные призраки, которые испытывают поистине дьявольское наслаждение от того, что пугают живых!

Графиня уверила мэтра, что никто не испугался и не поверил самозваному Джеку. И правда, теперь, при ярком свете электрических ламп, весь ужас, который обуял ее в темном салоне, без следа улетучился.

Полковник Цицер с супругой тоже засобирались, а потом ретировался и князь Бобруйский с княгиней. Зато томный Лавруша все еще оставался в салоне, мэтр приходил в себя,

отпивая крошечными глоточками поданный ему цейлонский чай, да поручик все стремился снова поцеловать ее. Оставшись одна в передней, графиня подошла к большому зеркалу и убедилась, что выглядит сногшибательно. Она поправила прическу – *и вдруг заметила на пальце каплю крови*. Графиня нахмурилась – откуда взялась кровь? Она что, порезалась, но когда и как? Она решительно не помнила ничего такого...

Забыв об этом пустяке, графиня вернулась в залу. Мэтр вел беседу с поручиком, который, кажется, пытался вывести у него секреты любовного приворота.

– Ах, как же я устала! – вздохнула она. – И как же хорошо, что за столом нас было двенадцать! Будь нас тринадцать, дух наверняка разбушевался бы еще сильнее!

Мэтр энергично кивнул головой:

– Да, мадам, так и есть! Ибо любое число является энергетической матрицей материи. Поэтому я и просил вас, чтобы гостей была дюжина...

– Но их было тринадцать! – возразил вдруг Лавруша.

Графиня усмехнулась, понимая, что молодой человек просто старается привлечь ее внимание к своей особе.

– Лаврентий Арсеньевич, вы что, плохо считаете? – спросила она. – Гости было двенадцать! Вы и мэтр. Поручик и я...

Она слегка покраснела – фраза вышла уж слишком саморазоблачительной.

– Барон и баронесса. Князь и княгиня. Полковник и полковница. Наконец, мать и дочь Чернозвонovy! Ровно шесть пар – итого дюжина! Не так ли?

– Точно так, графиня! – ответил поручик, бросая на нее пламенный взгляд.

Лавруша качнул головой:

– Да, графиня, на спиритическом сеансе нас было двенадцать, но вообще-то гостей было тринадцать! Вы забыли господина Державина-Клеопатрова!

Графиня ахнула – так и есть, несмотря на скандал, учиненный беллетристом, его присутствие напрочь вылетело у нее из головы после суматохи, учиненной мятежным духом на спиритическом сеансе!

– Или он покинул нас по-английски? – со смешком спросил поручик. – В соответствии с манерами, принятыми на родине Джека-потрошителя?

Графиня обернулась, увидела кресло с высокой спинкой, стоявшее возле камина. В этот момент в залу вошел дворецкий Захар, принесший чай для всех остальных.

– Захар, господин Державин-Клеопатров уехал, куда мы были в салоне? – спросила она, на что дворецкий отвечивал:

– Насколько мне известно, ваше сиятельство, он никуда не уезжал. Как вы распорядились, я принес ему чаю, после чего подал ему плед и придвинул по его просьбе кресло ближе к камину.

Какая же она, однако, плохая хозяйка! Забыла о том, что у нее имеется еще один гость! Коря себя за столь явный проступок, графиня подошла к креслу – а ведь верно, оно по-прежнему повернуто спинкой к комнате, и увидеть, сидит ли в нем кто-то, решительно невозможно.

– Глеб Трофимыч! Глеб Трофимыч! – сказала она, заведя укутанного в плед беллетриста. Так и есть, мирно свесив голову на грудь, знаменитый писатель почивал.

– Задремал! – сказала она с улыбкой. – Только вот что с ним делать? Наверное, надо разбудить...

Она дотронулась до свисавшей из-под пледа руки Державина-Клеопатрова, но беллетрист никак на это прикосновение не отреагировал.

Присоединившийся к ней поручик, хмуря соболиные брови, произнес:

– Странно, что весь этот шум его не разбудил! Тут ведь сразу несколько дам вопило. Крепкий у него, однако, сон! Эй, Глеб Трофимыч, извольте проснуться!

Он весьма сильно ткнул беллетриста, но вместо того, чтобы проснуться, тот лишь как-то съехал в сторону. Графиня вскрикнула, а поручик крикнул:

– Эй, Кудияров, ко мне!

Томный юноша тут же подошел, и поручик попросил его увести графиню прочь. Но та, топнув ножкой, воскликнула:

– Это мой дом! И я не из разряда тех глупых куриц, которые кудахчут при малейшей опасности. Он ведь умер, не так ли?

Поручик прикоснулся к шее Державина-Клеопатрова, явно пытаясь нащупать пульс, а потом медленно произнес:

– Увы, это так! Сердце его не бьется!

– Умер во сне! Апоплексический удар от переживаний! – простонала графиня, а потом в ужасе обернулась к мэтру, сидящему на кушетке с чашкой чая в руке.

– О мэтр! Ваше пророчество сбылось! Господин беллетрист умер! Как вы и предсказывали – до конца года! – перешла она на французский.

– Быть может, ему можно еще помочь... – начал, заикаясь, Лавруша. – Я ведь когда-то начинал учиться на медицинском факультете...

Поручик шагнул в сторону, уступая место молодому человеку. Графиня, пренебрегая приличиями, прижалась к поручику. Ведь одно дело – туманные предсказания или завывания духов, а другое – пророчество, сбывшееся столь скоро и столь кошмарным образом!

– Вот и первый труп! – проговорил поручик с нервным смешком. – А вторым должна стать наша милая проныра-баронесса, ведь так? Надо ей немедленно сообщить, что пророчество сбылось. Пусть дрожит у себя под пуховым одеялом!

Графиня вскрикнула:

– О как вы несосны, Григорий Аполлинарьевич! Разве можно желать кому-то смерти? Да и дух... Джек-потрошитель... Он вел речь об убийстве в моем доме, а бедолага Державин-Клеопатров умер своей смертью! Значит, баронессе ничего не грозит!

– Гм... Он ведь нам всем угрожал, заявил, что всех нас убьет! Да, не Джек-потрошитель, а Джек-враль... Но все равно занятно, что он помер. Хотя не исключено обыкновенное дурацкое совпадение, коих в жизни великое множество.

Пока они таким образом переговаривались, юный Кудияров подтвердил, что господин беллетрист мертв и сердце его не бьется. А после этого откинул плед, который, подобно савану, скрывал тело Державина-Клеопатрова.

То, что представилось их взорам, было ужасно. Все кресло оказалось залитым кровью. Графиня, увидев рану, зияющую в груди беллетриста, пронзительно завизжала. А когда турецкий ятаган – тот самый, что висел до недавнего времени на стене залы, а теперь торчал из груди беллетриста – с глухим стуком упал на ковер, хозяйка дома ахнула и лишилась чувства. Причем, несмотря на весь ее талант актрисы водевиля, обморок был не поддельный, а самый что ни на есть настоящий.

Поручик, успевший подхватить графиню, заорал что было мочи:

– Захар, немедленно сюда! Черт тебя дерит, Захар, где ты!

В залу влетел встревоженный дворецкий. Поручик отнес все еще находившуюся в обмороке графиню на кушетку.

А юный Кудияров, некоторое время смотревший на жуткую рану в груди беллетриста, осторожно дотронулся до нее пальцем, затем перевел взгляд на измазанный в крови ятаган и вышел прочь из залы.

Несколько мучительных минут его мутило, но когда Захар подал ему нюхательную соль, полегчало. Молодой человек подбежал к массивному телефонному аппарату, стоявшему в передней, поднял трубку и произнес:

– Барышня, соедините меня с полицией...

В этот момент на рычаг опустилась тяжелая рука поручика Юркевича.

– Что ты делаешь, Лавруша? – спросил он.

– Это же убийство! – воскликнул молодой человек в ужасе. – Самое настоящее убийство!

Поручик, не мигая, смотрел на него.

– Вы что, не понимаете, что все произошло именно так, как предсказывал дух Джека-потрошителя? Он ведь сказал, что совершит первое убийство в доме графини, – и он его совершил! Ибо у Державина-Клеопатрова...

Он запнулся, а потом разом выдохнул:

– Ибо кто-то при помощи ятагана умертвил его, а потом вырезал сердце! Так же, как поступал Джек-потрошитель, умерщвляя шлюх в Лондоне! И именно так, как он и обещал сделать, вернувшись двадцать пять лет спустя из ада на землю! И это – его первое убийство! Первое, но не последнее!

Поручик по-прежнему смотрел на Кудиярова, и этот взгляд молодому человеку ой как не понравился.

– Ведь он обещал убить нас всех – тех, кто принимал участие в спиритическом сеансе! И начало положено! Бедная баронесса – она должна стать следующей жертвой!

И в этот момент из залы донесся полный трагизма голос мэтра Гийома:

– Боюсь, мадам, что мы должны смириться с кошмарной действительностью. Джек-потрошитель вернулся из недр преисподней и начал новую серию убийств. *И в этот раз он охотится за нами!*

Проход Курицын потянулся, перевернулся на другой бок и уставился на гибкую рыжеволосую особу, которая лежала рядом с ним на кровати. Приподнявшись, он убедился в том, что она крепко спит. Проявляя недюжинные акробатические способности, Проход опустился на пол так, чтобы старая кровать не заскрипела.

Несмотря на то что стояло утро и со двора доносились мерные звуки метлы дворника, было еще темно. Проход ненавидел ноябрь и прочие месяцы, когда день в Петербурге длится считанные часы и тьма держит жителей города в заложниках, как некий всемогущий монстр.

Не натягивая своих модных ярко-желтых штiblет и вычурной жилетки, Проход миновал пыльный полузасохший фикус в аляповатой кадке с хохломской росписью, осторожно подошел к комоду, поморщился, когда паркет издал жалобный звук, и выдвинул верхний ящик. На всякий случай он посмотрел на девушку, которая лежала все в той же позе. Жаркая, надо сказать, оказалась штучка! Теперь понятно, почему мужчины, в том числе высокопоставленные и влиятельные, тянулись к ней. Правда, ее услуги были недешевы, причем очень даже недешевы, но именно это и вызывало массу вопросов. Если она брала за свои эротические услуги такие большие гонорары, то почему до сих пор ютилась в этой квартирке?

Ни в одном, ни в другом ящике комода он ничего не обнаружил. Только где-то на дне – коробку из-под монпансье, в которой лежал витой железный ключ.

Но вот к чему этот ключ подходил, было решительно непонятно. Однако Проход исключил вероятность, что рыжеволосая бестия хранила его просто так, как сентиментальное воспоминание. Наверняка он что-то открывал – только что? Никаких подходящих замков в квартире, насколько он помнил, не было, да и ключ был крошечный, предназначенный для небольшой дверцы.

Проход обернулся и уставился на девушку – ему показалось или она пошевелилась? Но нет, даром он дал ей лошадиную дозу снотворного, которое подмешал в шампанское. Она должна теперь проспать до вечера!

В этом-то и заключался смысл его операции – сделаться клиентом этой особы, известной в определенных столичных кругах как Эльвира, и получить доступ к ее апартаментам на Гороховой.

Потому что – и это надо отметить особо – несмотря на то что обстановка квартирки была унылая и простая, входной двери мог позавидовать любой швейцарский банк. Просто так проникнуть в квартиру не удалось бы – потребовались бы услуги домошников. И существовала опасность, что они не только потребуют за свои услуги немалых денег, но и проболтаются или намеренно сдадут его с потрохами Эльвире.

Прохор задумался. Но где-то же она должна прятать свое добро! Он приподнял висящее над комодом зеркало. Обычная уловка: с внешней стороны – зеркало, а с обратной – обычное стекло. И в соседней комнатухе сидит кто-то, делающий компрометирующие фотографии.

Те фотографии, вне всяких сомнений, были сделаны здесь. И с их помощью в последнее время шантажировали нескольких высокопоставленных сановников Российской империи.

История была сенсационная, именно такая и требовалась их газете! Прохор нутром чуял, что начальство будет в восторге. А ведь именно он напал на след этого знатного преступления! Ну конечно, ему пришлось воспользоваться сведениями, полученными от других, но лавры великого разоблачителя принадлежат, безусловно, только ему!

Он уже предвкушал, как поднимется тираж газеты, когда появится его разоблачительная статья. Конечно, ни имен чиновников, ставших жертвами шантажистов, ни тем более самих пикантных фотографий опубликовать будет нельзя, однако достаточно прозрачных намеков. Наверняка придется платить штраф, но Прохор не сомневался, что начальство с легкостью пойдет на это – лишь бы увеличить тираж! Ах, тираж для начальства – самое главное! Для него, впрочем, тоже.

И все же где прятался сообщник Эльвиры, который делал компрометирующие фотографии? Прохор поразмыслил, попытался вспомнить, в каком ракурсе были засняты эти сомнительные шедевры, – и его осенило.

Он подошел к стоящему у стены большому дубовому шкафу. Осторожно открыл дверцу и убедился, что шкаф совершенно пуст. Нетипично для женщины, к тому же известной столичной куртизанки, ведь так?

Курицын простучал панели шкафа, а когда дотронулся до его задней стенки, вдруг услышал особый гулкий звук. Так и есть, шкаф в действительности оказался входом в тайную смежную комнату, из которой велось наблюдение и съемка!

Молодой человек стал ощупывать швы, пытаясь понять, каким образом панель приводится в движение. Но в шкафу не оказалось ни крючка, ни гвоздика, ни какой-либо завитушки, на которую можно было бы надавить.

Панель, как он понял по звуку, была не деревянная, а металлическая. Так что взломать ее голыми руками не получится. Прохор провел в шкафу не меньше получаса, выбился из сил и выполз обратно на свет божий.

Он с досадой прикрыл дверцу шкафа и повернул торчавший железный ключ. *Нет так нет!* Придется, значит, снова воспользоваться услугами Эльвиры, чтобы очутиться в ее логове...

И тут он обратил внимание, что у шкафа две замочные скважины – в обеих дверных створках. Обычно, насколько он знал, и скважина, и ключ бывает один. *Зачем второй-то?*

Окрыленный надеждой, Курицын вытащил ключ и попытался вставить его во вторую замочную скважину. *Но ключ не подходил!* Ну конечно, если бы все решалось так просто, Эльвира не была бы Эльвирой... Только вот откуда взять нужный ключ?

Ну конечно, из коробки из-под монпансье! Теперь стало ясно, почему Эльвира хранила его отдельно, в ящике комода.

Прохор извлек ключ, дрожащими пальцами вставил во вторую замочную скважину, с трудом повернул – и услышал шелест, донесшийся из шкафа.

Открыв дверцу, он увидел, что задняя панель отошла в сторону, освободив проход в небольшое темное помещение. Курицын снова залез в шкаф, прикрыл за собой дверцу и шагнул в смежную каморку.

Он нащупал свисающую с потолка веревку, дернул ее, и в каморке зажегся свет. Он увидел стоящий на треножнике фотоаппарат, а также несколько ящиков с папками. Прохор быстро убедился, что объектив фотоаппарата прилажен к дыре, через которую можно наблюдать за тем, что происходит в комнате, в частности на огромной кровати. С обратной стороны дыра наверняка замаскирована под узор обоев.

Теперь стало понятно, как Эльвира с сообщниками делала гнусные фотографии. Пока рыжеволосая бестия занимала клиентов, вытворяя с ними то, о чем они с собственными женами и помыслить не могли, некто, сидящий в тайной каморке, усердно делал одну фотографию за другой. А потом при помощи этих фотографий вымогались крупные суммы.

И если бы только это! По крайней мере в одном случае несчастному офицеру было предложено поделиться секретной информацией, которой он обладал. А это уже пахло предательством, государственной изменой и работой на иностранную разведку.

Прохор быстро убедился, что в папках находятся исключительно фотографии – весьма и весьма откровенные и более чем занимательные, однако негативы были где-то в ином месте. Он с самого начала предполагал, что Эльвира здесь всего лишь красивая приманка. За ней стоит кто-то гораздо более могущественный и хитрый. *Некий преступный гений!* И вот если удастся отыскать и изобличить его – о, тогда он из простого репортера бульварного листка превратится в героя отечественной журналистики!

Прихватив несколько наиболее шокирующих фотографий (кто бы мог подумать, что к Эльвире наведываются члены императорской фамилии!), Курицын потушил в каморке свет и вылез из шкафа.

Эльвира лежала в той же позе, что и до того, как он поднялся с кровати. Молодой человек быстро пробежал к комоду, открыл ящик, бросил ключ в жестянку, поставил ее на место, задвинул ящик, обернулся...

И увидел прелестную Эльвиру, очень похожую в своей наготе, с распущенными рыжими волосами, на гоголевскую Панночку. Правда, на несколько ее осовремененный вариант, ибо в руках Эльвиры сжимала матово поблескивающий револьвер.

И его дуло было устремлено в лоб Прохору.

– Эльвира! – глуповато произнес Курицын, чувствуя, что его прошибает пот. Но как чертовка умудрилась... Он ведь опоил ее снотворным!

Рыжеволосая бестия очаровательно улыбнулась и пропела:

– Думаешь, я с самого начала не поняла, что ты подсадная утка? Однако мне было приказано утешить тебя, мой юный друг, в постели и позволить тебе осуществить то, ради чего ты сюда заявился. Поэтому я сделала вид, что выпила шампанское, в которое ты подмешал невесть что...

– Но я видел... – Прохор осекся и вдруг понял, что, подмешав в шампанское снотворное, он отлучился в уборную. Когда он вернулся, бокалы, по-прежнему нетронутые, стояли на комод. Наверняка Эльвира вылила шампанское со снотворным и заменила его обычным! Только вот куда она его вылила?..

Его взгляд упал на кадку с полусохшим фикусом. Проследив его взгляд, рыжеволосая бестия сказала:

– О да, ведь не просто этот цветочек здесь стоит! Очень удобен для того, чтобы выплеснуть в него ту или иную жидкость, причем так, чтобы гость ничего не заметил... А теперь отдай фотографии!

Прохор крепко прижимал драгоценные фотографии к себе, судорожно размышляя. Отчего-то все вышло совсем не так, как он задумывал. Получается, что недооценил он красоту

Эльвиру! А ведь он был поклонником рассказов о мистере Шерлоке Холмсе, месье Арсене Люпене и Нате Пинкертоне! Ну и, конечно же, сочинений господина Державина-Клеопатрова, лучшего из российских беллетристов! Прохор почитал себя экспертом в области криминалистики и частного сыска. А тут выходит, что не он Эльвиру надул, а она обвела его вокруг пальца!

– Не отдам! – огрызнулся он, стараясь, чтобы в его голосе сквозила уверенность и даже легкое презрение. – Потому что, дорогуша, я не один! За домом следят, и если я через пять минут не выйду отсюда, то его возьмут штурмом!

Эльвира усмехнулась:

– Не надо пытаться взять меня на понт, милоч. Потому что никто за домом не следит! А фотографии придется отдать! А потом гуляй на все четыре стороны! Потому что ты мне не опасен, никто твоим рассказам все равно не поверит!

Курицын взглянул в раскосые зеленые глаза рыжеволосой красотишки Эльвиры. Говорила ли она правду или обманывала его? И пусть у нее имеется револьвер, однако не будет же она убивать его в собственной квартире – шума и кровищи много, а толку мало! Получается, это она его обманывала, а не он ее!

Но с фотографиями, кажется, придется расстаться...

Осторожно сделав несколько шагов по направлению к кровати, Прохор схватил свою одежду и произнес:

– Значит, так! Ты получишь фотографии и позволишь мне уйти, а я забуду о том, что у тебя обнаружил!

Эльвира пожала плечами и даже опустила револьвер.

– Хорошо, милоч! Давай уматывай! И не забудь прихватить своих дружков, которые якобы окружили дом!

Судя по ее смешку, она не поверила тому, что сказал Прохор. Молодой человек указал подбородком на коридор и сказал:

– Открой дверь!

Покачивая бедрами, рыжеволосая соблазнительница проплыла в коридор, совершила ряд манипуляций со входной дверью и распахнула ее. Свобода была всего в нескольких шагах!

– А теперь фотографии! – напомнила она, и Прохор, не веря собственной удаче, швырнул глянцевого снимки на пол, а затем выскочил из проклятой квартиры.

Он кубарем скатился по лестнице и замер, пытаясь отдышаться. Ну надо же, какой наивной оказалась эта самая Эльвира! А еще почитается петербургской Мессалиной! Отпустила его, поверила тому, что он забудет о любопытной обстановке ее любовного гнездышка! *Да ни за что!* Теперь он примется за расследование с утроенной силой!

Прохор быстро натянул одежду, которую держал в руке, затем прошмыгнул вниз по лестнице, распахнул входную дверь – и оказался на свежем воздухе. Никогда он так не радовался сырому сизому туману, окутавшему столицу! Молодой человек быстро зашагал прочь от ужасного дома. До центра было далеко, но что поделать, извозчики в этой местности попадались крайне редко...

Он быстро обернулся и убедился, что за ним никто не следует. Только на соседней улице стоял около погасшего фонаря слепой нищий с грациозной темно-рыжей собакой, копошась в своей большой кошелке. Вытащив из нее бутылку, он приложился к ней. Прохор поежился – и ему бы принять немного коньяка на грудь не помешало, потому как полушубок свой он забыл у Эльвиры. Собака гавкнула, Прохор ускорил шаг.

Нет, какая же все-таки Эльвира дуреха! Позволила ему уйти – и даже не заметила, что он умудрился унести с собой одну фотографию! И это важнее всего – теперь у него есть неоспоримые доказательства ее причастности к шантажу! О, то будет его минута славы!

В этот момент из-за угла выехал извозчик, и Прохор свистнул ему. Тот натянул поводья, и молодой человек вскочил в пролетку.

– Гони что есть силы! – произнес он важно. – В редакцию газеты «Бульварный экспресс»! Знаешь, где это?

– Конечно, ваше благородие! – ответил кучер, здоровый сумрачный детина с рыжей бородой и надвинутой по самые брови шапке. – Как же не знать! Не извольте беспокоиться, вмиг доставлю!

Прохор повалился на мягкое сиденье и зевнул. Сейчас бы хорошенько выспаться, но времени на такую ерунду не было. Он представлял реакцию начальства на фотографию, которую ему удалось унести. Похвала – это одно, а звонкая монета – совсем другое! Конечно, их листок был новый, не особо известный, пока что дохода совсем никакого не давал, однако времена изменятся, непременно изменятся! Им нужна первостатейная сенсация, и тогда люди обратят внимание на их газету! А точнее, на его репортажи – его, Прохора Курицына! О, он станет знаменитым и богатым, вернее, самым знаменитым и богатым журналистом в империи!

Чувствуя, что его клонит в сон, Прохор бросил взгляд на фотографию, которую сжимал в руке. Мужчина, предававшийся любовным утехам с Эльвирой, чье лицо было заретушировано, был ему отлично знаком. У молодого человека даже челюсть отвисла. Не может быть, чтобы это был сам...

В этот момент пролетку знатно потряхнуло, Прохор поднял взгляд и осмотрелся. Нет, они ехали определенно не в направлении Невского. Вот ведь возница идиот попался! Решил слупить с него побольше, поэтому и петляет по окраинам!

– Эй, милейший! Куда ты меня везешь? – крикнул Прохор, но кучер только взмахнул хлыстом, и лошади помчали еще быстрее. Курицын высунулся из пролетки и попытался схватить кучера за руку, но тот резко обернулся и со всей силы двинул молодого человека в зубы.

Прохор отлетел обратно на сиденье и, чувствуя острую боль в груди, вдруг понял – это не Эльвира оказалась круглой душой, а он сам неисправимым идиотом! Она позволила ему так просто уйти только для того, чтобы он сел в пролетку к ее сообщнику, которому она сделала знак из окна или по телефону. Ведь мороки с его телом, застрели она его у себя в квартире, было бы много, а так он сам уселся в пролетку, которая везла его, вероятнее всего, на место последнего упокоения.

Молодой человек высунулся из пролетки – скорость была приличная, если прыгнуть, то не исключено, что переломаешь себе руки и ноги. Но уж лучше кости переломать, чем трупом оказаться. *А в том, что его намеревались лишить жизни, он не сомневался.*

Внезапно он заметил темно-рыжую собаку, которая неслась за пролеткой. Ну надо же, еще и псы бешеные по дороге попадают! Хотя собака не походила на бешеную, да и была не в стае, а в одиночестве. Воспоминание пронзило Курицына – это же тот самый пес, которого он видел со слепым нищим до того, как сел в пролетку. *Но что животное здесь делает?*

Впрочем, размышлять над этим нелепым вопросом времени не было, потому что возница огрел его хлыстом, да так сильно, что Прохор повалился на пол пролетки. Ну уж нет! Никто не позволит этому бородачу безнаказанно его избивать! Недаром же он брал уроки бокса, а также пытался учиться древней индийской борьбе, которую преподавал проживавший по соседству с ним йог-индус.

Курицын попытался нанести удар по затылку кучера, но тот оказался проворнее и снова огрел его хлыстом. Тогда молодой человек что было сил вцепился тому в рыжую бородищу. Но вместо того, чтобы завывать и повалиться с козел, возница только крикнул – а в руках у Прохора оказалась роскошная рыжая борода, конечно же, фальшивая и служившая для перевоплощения кучера.

В действительности перед ним сидел гладко выбритый, неприметный человек с крючковатым носом и злобными белесыми глазами.

Прохор занес кулак, чтобы поразить врага в самое темечко, но тот совершил еле заметное движение, и Курицын почувствовал легкий укол в шею. Он выдернул крошечный шип, попытался что-то сказать, но перед глазами все поплыло, и он без чувств повалился обратно в пролетку.

Кучер удовлетворительно хмыкнул, натянул поводья и засвистел хлыстом. А собака, бежавшая за ними, не отставала...

Чувствуя, что голова у него раскалывается, Прохор Курицын разлепил глаза и попытался сообразить, где он находится. Последнее, что он помнил, была попытка скинуть кучера с козел, а потом...

А потом все внезапно закончилось! Молодой человек попробовал пошевелиться, но не смог – и понял, что крепко-накрепко привязан к стулу, который, кажется, был приделан к полу. А рот был забит чем-то противным, пропитанным маслом, и затянут тряпкой.

Он обвел взглядом помещение, в котором находился: низкий деревянный потолок, темные стены, массивная железная дверь. Принюхавшись, он уловил запах мазута. *Не исключено, что где-то около воды!*

В этот момент дверь, скрипнув, распахнулась, и Прохор на всякий случай прикинулся спящим. Что ж, он попал в одну из переделок, о которых обычно читал в книгах господина Державина-Клеопатрова, но там герои всегда находили выход из, казалось бы, фатальных ситуаций!

Только ведь это были бульварные романы, а он сам оказался в настоящей передрыге!

Прохор осторожно наблюдал за вошедшим – им оказался высокий смуглый мужчина с уродливым лысым черепом и словно вырезанным из мореного дуба лицом, покрытыми татуировками. Ну и чудись, наверняка какой-нибудь моряк или вообще иностранец, подвизавшийся в качестве мелкой сошки при главаре банды!

Вошедший проверил, надежно ли Прохор связан, удалился в коридор и что-то промышал. Кажется, немой! Понятное дело, так для главаря лучше – если попадется, ничего рассказать полиции не сможет!

И лишь потом в комнату вступила крайне элегантно одетая Эльвира, сопровождаемая коренастым человеком лет тридцати, с тонкими черными усиками на нервном лице и в типичном прикиде фартового, то есть высокопоставленного уголовника.

Прохор затаил дыхание – так чертовка Эльвира была хороша! Соблазнительница, шурша шелками, приблизилась к нему, склонилась над Курицыным так, что он ощутил аромат ее духов, и промурлыкала:

– Не притворяйся, милоч, то, что ты пришел в себя, мы уже знаем! У Немого на это нюх!

Ага, у смуглого уroda с татуированной башкой и кличка подходящая – Немой! А вот заявившегося с Эльвирой фартового он знал – нет, не лично, однако был наслышан о его похождениях. И даже статейку как-то пришлось писать про ограбление банка, совершенное Васькой Порохом. Знаменитый это был бандюган, только, по слухам, давно ушел куда-то за Урал. Ан нет, выходит, все это было дымовой завесой – Васька Порох притаился на окраинах Питера и чего-то выжидал!

Только, собственно, чего?

– Хватит с ним цацкаться! – гаркнул прокуренным голосом Васька Порох, подошел к Прохору и со всей силы ударил его по лицу. Молодой человек вздрогнул, а фартовый оскалится, демонстрируя два щегольских золотых зуба.

– Оклемался, сердешный! – воскликнул он. – А теперь говори, кто тебя подослал!

Он поднес к лицу Прохора кулак, на котором был вытатуирован череп. Прохор мстительно подумал, что если уж придется умирать, то по-мужски. И ничего он говорить Ваське Пороху, конечно же, не собирался!

– Васенька, гольная сила не всегда эффективна! – пропела Эльвира. – Иногда лучше другие меры воздействия!

Она снова склонилась над Прохором и прошептала:

– Ты ведь неглуп, милоч, и понимаешь, что живым тебе отсюда не выбраться. Тело твое потом выбросят в Финский залив, так что никто никогда не найдет.

Прохор приложил большие усилия, чтобы не дернуться. *Его тело выбросят в Финский залив!* Но ведь он умирать не собирается, в самом расцвете сил и еще до того, как обрел подлинную славу!

– И я обещаю, что умрешь ты безболезненно и сладко. И я тебя даже поцелую...

– Эй, ты чего, мать? – забеспокоился Васька Порох. – Какие такие поцелуйчики! Лучше давай я ему брюхо пером пощекочу. Он сразу выложит все, что знает!

Прохору стало по-настоящему страшно, и он принялся лихорадочно раздумывать. Что бы сделал в такой ситуации хитроумный герой одной из приключенческих повестей господина Державина-Клеопатрова? Наверняка исхитрился бы скинуть путы и при помощи восточных единоборств сразить всех бандитов, которые находятся вокруг.

Только жаль, что он не хитроумный герой детективной повести! Потому как путы были затянуты на совесть и освободиться от них не имелось ни малейшей возможности. Да и стул был прикреплен к полу, да так, что оторвать его мог разве что слон. Прохор осторожно посмотрел на потолок – кажется, вполне себе хлипкий, через щели между досками даже просвечивал бледный чухонский рассвет. Но ведь до потолка надо еще добраться, а сделать это у него не было ни малейшей возможности!

– Уйти у тебя нет ни малейшей возможности! – подтвердила Эльвира. – И думаю, тебе это ясно, милоч. Так что рассказывай, что известно, иначе...

Понимая, что это его шанс, Прохор промычал, давая знак, что готов заключить сделку. Эльвира качнула увенчанной огромной шляпой головкой, и Васька Порох снял тряпку, которой был завязан рот Курицына. Молодой человек выплюнул на пол гадкую, пропитанную машинным маслом губку.

От его внимания не ускользнуло, что грозный фартовый, на совести которого было не меньше дюжины смертоубийств, во всем подчинялся рыжеволосой соблазнительнице. Значит, влюблен в нее по уши и ведет себя как глупый щенок, разве что хвостом не виляет. В этот момент неподалеку раздалось короткое гавканье, впрочем, тотчас прекратившееся. Прохор глубоко вздохнул, чувствуя в глотке противный привкус машинного масла.

– Ну, говори! – произнесла дамочка, глядя на него с ухмылкой. – Кто тебя подослал?

Обычно в романах господина Державина-Клеопатрова использовался в таких случаях незамысловатый прием, всегда, однако, работавший.

– Полиции все известно! – сказал как можно авторитетнее Прохор. – Вы что, думаете, что ваши планы так просто осуществляются? Я же сказал тебе, Эльвира, что за твоим петербургским домом следили! И за этим притоном тоже! Так что игра окончена!

Было очевидно, что Эльвира – лишь пешка в какой-то преступной шахматной партии. И игроком был далеко не Васька Порох – да, парень он горячий, не без царя в голове, но речь в данном случае идет не об ограблении банка или налете на поезд. Прохору не давала покоя история с компрометирующими фотографиями и шантажом, а также с попыткой выведать военные секреты. Он уже не сомневался, что и Васька Порох, и Эльвира – звенья одной цепи криминального замысла. *Только вот чьего?*

Васька Порох крикнул, Эльвира прищурила прелестные глазки и сказала:

– Ты ведь врешь, журналигин!

Ага, успели даже узнать, что он работает в газете. Только вот как? Документов ведь при нем никаких не было!

– А если нет? – нервно спросил Васька Порох, прохаживаясь по комнате и скрипя сапогами. – Тогда профессор будет недоволен...

– Молчи! – предостерегающе прикрикнула на него Эльвира.

Проход же продолжал быстро размышлять, в самом деле чувствуя себя ловким частным детективом, героем романов господина Державина-Клеопатрова. Профессор... Что за профессор такой? И в каком университете преподает? Он не исключал, что какой-либо жадный до денег ученый мог связаться с этой криминальной парочкой. Например, они наняли его, чтобы изготовить большое количество взрывчатки для очередного налета на поезд. Или чтобы просчитать инженерные тонкости подкопа для ограбления банка. Но в таком случае профессор был бы фигурой третьестепенной, зависимой, и его мнение никого бы не интересовало.

Ну конечно, профессор – это было не академическое звание, а своего рода имя собственное, точнее кличка! Примерно как профессор Мориарти в рассказах о Шерлоке Холмсе! Так что речь идет не о каком-то профессоре с маленькой буквы, а о том самом преступном гении, всегда находящемся в тени, о Профессоре – с буквы большой!

– Да, Профессор будет очень недоволен! – произнес с усмешкой Проход. Оставалось одно – идти ва-банк, ведь козырей у него на руках не было. – Будет рвать и метать! Потому что из-за вас, тупиц, весь план летит к чертям собачьим!

Он молот, что в голову придет, но, судя по реакции его собеседников, попал в точку. Эльвира побледнела, в ее глазах сверкнул адский огонь. А Васька Порох смачно плюнул на пол, растер слюну сапогом и зловеще произнес:

– Говорил я тебе, мать, что это фрукт еще тот! А ты твердила – кривляка, комедиант! Он о Профессоре и плане в курсе!

Проход мысленно усмехнулся – что ж, в самом деле тупицы! Подтвердили факт существования таинственного Профессора и его не менее таинственного плана.

– Что тебе известно?! – крикнул в бешенстве Васька Порох. – Ну, а то в рожу дам!

И перед лицом Прохода снова возник кулачище.

Эльвира взяла Ваську за кулак, отвела его в сторону и сказала:

– Это уже не важно. Он в курсе, а Профессор исходит из того, что в курсе только посвященные. Иначе план в самом деле полетит к чертям собачьим. Поэтому, Васенька, архиважнейший вопрос не в том, что известно нашему болтливому гостю, а в том, от кого ему это известно! Ибо, вычислив предателя, мы заткнем течь!

Произносила она это со странной улыбкой, от которой у журналиста свело желудок. Он с самого начала понял, что опасаться надо не импульсивного Васьки Пороха, а обольстительной Эльвиры.

– Говори, кто стукнул! – рявкнул фартовый. – А не то я тебя в фарш превращу!

Проход зажмурился, готовый к тому, что массивный кулак врежется ему в солнечное сплетение или переносицу. Но этого не последовало.

– Не забывай, Васенька, что тебе пора! – напомнила о каком-то только им ведомом деле Эльвира. – Потому что самое важное – исполнять все в срок. Я обещала это Профессору лично!

Ага, Эльвира в курсе, кто этот таинственный злой гений! Наверняка ублажала его! Отчего-то при мысли об этом Прохода бросила в жар, а потом в холод.

– Поэтому мы поручим вытянуть правду из нашего юного друга тому, кто умеет это делать. Позови Немого!

Васька Порох нервно усмехнулся и исподлобья взглянул на пленника:

– Да уж, паря, лучше бы я тебя в фарш превратил. Потому что Немой знает толк в вытягивании жил. У него любой заговорит! И правду раскроет! Потому что он наш доктор. А заодно и пыточных дел мастер!

Сказав это, он вышел из комнаты.

Проход судорожно моргнул, а Эльвира, поцеловав его в лоб, назидательно произнесла:

– Я же тебя предупреждала, милоч... Мне тебя, конечно, жаль, но что поделать! Потому что ты, сам того не ведая, встал на пути нашего плана. А ни мы, ни тем более Профессор этого не любит!

– Что вы затеяли? – сипло спросил Прохор. Эльвира усмехнулась.

– Думаешь, что я, как идиоты-преступники в дешевых романчиках господина Державина-Клеопатрова, выложу тебе всю подноготную, ты в последний момент спасешься бегством и наш план пойдет прахом? Нет, милоч, не выйдет! Тем более что Профессор очень скрытен, и я понимаю, что мы с Васенькой выполняем только часть его грандиозного плана. Но я чувствую, что это будет нечто небывалое, подобного чему ни в России, ни за рубежом пока что не происходило! И крайне, *крайне* прибыльное!

– Кто этот Профессор? Я ведь все равно умру... Так скажи! – взмолился Прохор. Эльвира ответила:

– Он не дурак, это ясно. Потому что ни Васенька, ни я не видели его лица. Он всегда облачен во все черное, а лицо прикрыто черной маской. Говорит тихо, но сразу чувствуется, что знает свое дело. Впрочем...

Она усмехнулась, провела по щеке Прохора пальчиком и заметила:

– Впрочем, у меня имеется кое-какая улика, которая в случае надобности может вывести на Профессора. Потому как куш нам с Васенькой был обещан небывалый. И на тот случай, если Профессор решит нас надуть, я и припасла ниточку, которая ведет к нему!

– Что ты имеешь в виду?.. – начал Курицын, но в этот момент в комнату вошел уже знакомый ему смуглый человек с бритым черепом и беспристрастным лицом, покрытыми татуировками. *В руках он держал вместительный докторский саквояж.*

– Пусть расскажет, что знает! – сказала Эльвира, шелестя шелками. И обращаясь к Прохору, добавила:

– Немой свое дело знает. Не позволит человечку умереть, пока тот не выложит все как на духу. Так что скрывать не имеет смысла! Всего наилучшего, мой желторотый птенчик! Нам с Васенькой пора!

Она удалилась. Прохор со все возрастающим ужасом наблюдал за тем, как Немой поставил саквояж на колченогую табуретку в углу, а затем подошел к двери и с легкостью задвинул тяжеленный чугунный засов.

– Вы... Вы ведь понимаете, что я ничего не знаю! – просипел молодой человек, чувствуя, что начинает ужасно потеть. И только сказав это, понял, как идиотично прозвучали его слова. Наверняка все жертвы этого пыточных дел мастера поначалу утверждают нечто подобное!

Но ведь самое ужасное, что он говорит правду! Но, пытаясь убедить Эльвиру и Васю Пороха в своей осведомленности, он прикинулся, что ему многое известно – в том числе и про Профессора, о котором он в действительности ничегошеньки не знал.

Немой тем временем неторопливо раскрыл саквояж, извлек из него что-то матерчатое, черное, развернул это и положил на другую табуретку.

Это был набор разнообразных хирургических инструментов.

Прохор застонал, причем весьма громко. Словно в такт его мыслям за стеной тьякнула собака. А если попытаться нагородить с три короба? Нет, Немой наверняка поймет, что он сочиняет, и станет пытать еще сильнее.

– Вы должны понять, что мне ничего не известно... Ну или практически ничего! – залепетал он, следя за тем, как Немой вытаскивает из крошечного кармашка устрашающего вида зазубренный скальпель и направляется к нему.

– Хорошо, я расскажу! Только не режьте меня на куски! – завопил Курицын, а Немой прикрыл ему рот своей огромной темной ладонью и решительно занес над ним руку со скальпелем. Луч восходящего солнца, проникший через щели в крыше, отразился в гладкой металличе-

ской поверхности скальпеля, Прохор попытался завизжать, но не смог. *Он понимал, что будет больно, очень больно, невероятно больно...*

Но больно не было. Ни капельки. Ибо вместо того, чтобы воткнуть ему скальпель в мягкие части тела, Немой вдруг перерезал удерживавшие журналиста веревки. Тот не мог поверить своему счастью, попытался вскочить, что, конечно же, не вышло, ибо тело у него от долгого пребывания в одной и той же позе затекло.

Немой прошептал:

– Сидеть и ждать!

Вот тебе и немой! Прохор все же попытался пошевелиться, но громила вдавил его в стул. И снова таякнула собака. А Немой, собственно, таковым не являвшийся, вдруг запрокинул голову и издал леденящий душу крик – наверняка так вопят жертвы, которых режут на кусочки забубренным скальпелем.

И в этот момент раздался взрыв, крыша провалилась, комнату заволокло дымом. Немой крикнул:

– Сидеть и ждать! Иначе убить!

А сам после этого куда-то делся. Не понимая, что происходит, Прохор, тем не менее, решил следовать мудрому совету человека, который отчего-то решил его спасти. Он осторожно брякнулся на пол и пополз в угол. До него доносились звуки взрывов, выстрелы, крики.

После того как дым немного рассеялся, Прохор увидел, что в крыше возникла дыра. Кровообращение в конечностях, судя по приятному покалыванию, уже возобновилось. Поэтому молодой человек, схватив табуретку, добрался до дыры, затем не без труда – мускулы были отчасти еще деревянные – подтянулся и оказался на крыше.

Его глазам предстала удивительная картина: он находился в складских помещениях, расположенных у самой воды. Со стороны суши надвигались люди в клетчатых плащах, с револьверами в руках, а со стороны воды отстреливались люди в темных одеяниях.

Понимая, что так очень легко угодить под шальную пулю, Прохор скатился по крыше вниз и приземлился с другой стороны склада, в котором его удерживали. Справа была вода и бандиты с револьверами, слева – суша и другие бандиты, тоже с револьверами. Так что он оказался между Сциллой и Харибдой, точнее, между молотом и наковальней!

Что бы сделал ловкий и находчивый герой романов господина Державина-Клеопатрова? Он бы наверняка вытащил из тайного кармана крошечный револьвер и уложил наповал не менее четырех злодеев.

Но у Прохора не было ни тайного кармана, ни крошечного револьвера. Поэтому он попластунски пополз прочь, благо неподалеку виднелись густые заросли камышей. Ему не хотелось стать жертвой бандитской войнушки.

На свое небывалое счастье, Прохор заметил в камышах утлую лодчонку, привязанную к вбитому в промерзлую землю колышку. *А на дне лодчонки он обнаружил весло.* То ли случайность, то ли возможность для бегства, которой хозяин, вероятно один из бандитов, так и не смог воспользоваться.

Отвязав лодку и прыгнув в нее, Прохор самодовольно ухмыльнулся. Как же все хорошо закончилось! Он не только остался в живых, но узнал массу нового! О, он не просто подобен героям романов господина Державина-Клеопатрова, он превзошел их по ловкости, хитрости и изворотливости!

Он попытался оттолкнуться веслом от берега, но в этот момент подле камышовых зарослей возникла собака. Она показалась Прохору смутно знакомой – кажется, та самая, которая неслась за пролеткой.

Собака зарычала и схватила зубами веревку, которая волоклась за лодкой. Прохор замахнулся на мерзкую животину веслом, тогда собака выпустила веревку и громко залаяла. Вос-

пользовавшись моментом, Курицын изо всех сил оттолкнулся веслом – и лодка отчалила от берега.

Он понятия не имел, где оказался, однако самым важным на данный момент было покинуть это проклятое место. Но не тут-то было! Мерзкая псина вдруг разогналась, прыгнула – и оказалась в лодке!

Оскалив пасть, она отчаянно залаяла, а Прохор попытался отпихнуть ее веслом.

– Пошла отсюда, дрянь зубастая, сгинь немедленно! – причитал он, но собака продолжала голосить. Не хватало еще, чтобы ее тьяканье привлекло внимание бандитов – или одних, или других, а то, что еще хуже, и тех и других вместе!

Прохор замахнулся веслом, желая утихомирить собаку, но попал по краю лодки. И пусть его сопровождала эта тварь, ему все же удалось уйти!

Он вывернул из зарослей камыша – и вдруг услышал громкий приятный мужской голос:

– Не кажется ли вам, что у вас имеется то, что принадлежит мне?

Прохор в ужасе обернулся – и заметил покачивавшуюся на легких волнах другую лодку, даже небольшой катер. Ему бросился в глаза нищий, который был ему тоже знаком. Завидев нищего, собака сама прыгнула в воду и поплыла к катеру. Так и есть, это тот самый слепой нищий, которого он видел, выходя из дома Эльвиры. *Только что он здесь делает?*

Да еще не один, а в сопровождении двух жандармов!

– Все же вам не следует спешить, господин журналист! – продолжил нищий, речь которого, выдававшая в нем человека образованных кругов, никак не сочеталась с его затрапезным внешним видом. – Потому что нам необходимо кое о чем поговорить!

Прохор растерялся, собака тем временем при помощи одного из полицейских вскарабкалась на корму катера и тьякнула. От неожиданности Курицын выронил весло.

– Ну вот, видите, и весло потеряли. Так что продолжать путешествие в лодке, не считая собаки, вам уже не с руки, – продолжил слепой нищий и стянул с себя седые космы, оказавшиеся париком, под которым обнаружили совершенно белые волосы. – Разрешите представиться, приват-доцент Орест Самсонович Бергамотов.

Часом позднее, когда перестрелка уже давно закончилась и полицейские под предводительством главного филера считали убитых бандитов, Прохор наконец получил возможность поговорить с «нищим».

Ну конечно же, он слышал об Оресте Бергамотове, некогда известном химике, который в результате несчастного случая потерял зрение. А заодно оказался замешанным в криминальной истории, которую блестяще распутал, – и с тех пор превратился в писателя и частного детектива, являющегося к тому же одним из наиболее сильных шахматистов столицы и гросс-мейстером.

Беседу они вели в полицейской пролетке, любезно предоставленной г-ну Бергамотову и его сопровождающим. А оных было двое. С большим удивлением Прохор узнал, что Немой, тот самый сумрачный человек с татуированным лицом и черепом, который является пыточным дел мастером в банде Васьки Пороха, на самом деле – правая рука и ассистент г-на Бергамотова.

Вторым сопровождающим был тот самый привязчивый рыжий пес, который, впрочем, оказавшись около хозяина, тотчас заснул возле его ног.

Сам Орест Бергамотов был личностью примечательной, и не только по той причине, что был слеп (это ему имитировать не пришлось), а потому, что один глаз у него оказался синим, а другой – карим, а волосы – абсолютно белыми.

– Если вы не заметили, то я альбинос, – любезно пояснил частный детектив и гросс-мейстер. – Именно эта прихоть природы, которая, впрочем, прихотью отнюдь не является,

ибо манифестирует всего лишь один из ее скрытых механизмов, и навела меня на мысль заняться наукой.

Прохор же неотрывно смотрел на Немого, который, подобно скале, молчаливо возвышался около Ореста Бергамотова.

– Это мой друг и помощник Мэхпи, – пояснил Бергамотов, на что Прохор вздрогнул и спросил:

– Прошу прощения, но как вы узнали, что... – он запнулся.

Тонкое лицо Бергамотова озарила улыбка.

– Как я узнал, что вы рассматриваете Мэхпи? Ну, во-первых, я все еще в состоянии различать смутные тени, а во-вторых, это делают все, оказавшись в его обществе!

Курицын смутился, а Бергамотов продолжил:

– Мэхпи на диалекте одного из племен североамериканских индейцев – «небо». И да, Мэхпи настоящий индеец, с которым я познакомился, путешествуя по Северной Америке. Как со мной водится, я оказался втянутым в криминальную историю, и он спас мне жизнь. Впрочем, днем позже я спас ему жизнь. И так как вся его семья погибла от рук убийц, он принял решение сопровождать меня и помогать изобличать преступников и душегубов по всему миру. Было это двенадцать лет назад...

Бергамотов смолк, а лежащий у его ног пес во сне заворчал. Сыщик и гроссмейстер потрепал его по холке и добавил:

– А это второй мой верный друг – Зигфрид. Ирландский красный сеттер. Не удивляйтесь этому имени – познакомились мы во время представления одноименной оперы Рихарда Вагнера на Зеленом холме в баварском городке Байройте. Там мне удалось предотвратить покушение на тогдашнего принца-регента Баварии Людвига, нынешнего короля, и Зигфрид, который сыграл в этом значительную роль, хотя и был еще щенком, стал подарком, преподнесенным мне его высочеством. Ведь Зигфрид – из помета любимой суки принца-регента...

Бергамотов не производил впечатления слепого человека, глаза его смотрели весело и с прищуром, и, судя по всему, он точно знал, где находится его собеседник, потому что глядел ему прямо в лицо, а не в сторону.

– Ну а теперь к вам, господин журналист из «Бульварного экспресса»!

– Откуда вы знаете, что я журналист? И откуда узнали, из какого я издания? – спросил Прохор, а Бергамотов вздохнул:

– А кто еще отважится на подобный риск? Ведь вы, сударь, сами того не ведая, влезли с рогами и копытами в операцию, которую я вместе со столичной полицией, являясь ее консультантом, разрабатывал в течение многих недель. И помешали ей! Потому что и Васька Порох, и, что намного важнее, мадемуазель Эльвира, упорхнули!

Он вздохнул и продолжил:

– На подобный риск способен только молодой и неопытный журналист – это факт номер один. Тех, кто работает по сходной тематике в уважаемых и не очень изданиях Петербурга, я знаю. Вас – нет. Следовательно, факт номер два: ваш листок относительно новый, но в то же время желает заручиться любовью читателей и ищет сенсации. Таковой, и это факт номер три, в столице только один – «Бульварный экспресс»!

Прохор еле заметно скривился – Бергамотов все равно не увидит. Да уж, петербургский Шерлок Холмс! Даром что альбинос и слепой. Так еще вместо доктора Ватсона покрытый татуировками индеец плюс малахольный пес в качестве компаньона!

– А теперь расскажите, что вам известно! – продолжил Бергамотов и вдруг подмигнул невидящим карим глазом Курицыну. – Нет, исключительно добровольно, конечно! Мэхпи пытаться вас не будет, ибо он был внедрен в банду Васьки Пороха, чтобы предотвратить расправы там издевательств над пленниками и, конечно же, разузнать все, что возможно, о Профессоре!

Вот оно что! Значит, Бергамотов тоже идет по следу таинственного Профессора! Прохор почуял, что сенсация будет знатная. Но делиться информацией с конкурентом он не собирался.

– Кстати, сударь, все же неудобно – разрешите узнать ваше имя!

– А что, узнать без моей помощи вы не в состоянии? – съязвил Курицын. – Однако прошу прощения, мену зовут Про... Я хотел сказать – Павел Двушкин, внештатный корреспондент, как вы верно догадались, «Бульварного экспресса»!

Павлом Двушкиным звался – и в этом отношении Прохор не слухавил – реальный внештатный корреспондент того издания, на которое работал и он сам. Только этот Двушкин был креатурой уж слишком заносчивой, самолюбивой и подловатой, посему назваться его именем Курицыну доставляло истинное наслаждение. Если у кого и будут потом неприятности, так у Двушкина – и поделом. Сам же Прохор планировал остаться в тени и, продолжая метафорический ряд, выйти сухим из воды. Потому что знакомство с г-ном Бергамотовым было, конечно, приятным и делало большую честь им обоим, но вот углублять свои отношения с петербургской полицией Прохор отнюдь не планировал. И ждал одного – подходящего момента, чтобы ретироваться.

– Ага, стало быть, господин Двушкин! – заметил с улыбкой Орест Бергамотов. – Что ж, рад нашему знакомству!

Прохор пробормотал, что это взаимно, а потом быстро спросил:

– А Профессор... Что о нем известно?

Сыщик неопределенно повел плечами и ответил:

– Крайне, крайне мало. Он и ранее был инициатором и истинным бенефициантом многих преступлений, имевших место на бескрайних просторах нашей с вами родной империи, однако на сей раз, и в этом мое мнение разительно отличается от мнения господина товарища начальника сыскной полиции, Профессор задумал нечто грандиозное!

– Интересно, что? – откликнулся Прохор как можно более безразличным тоном, желая, однако, поскорее ознакомиться с версией господина сыщика.

Но тот лишь снова пожал плечами, и Прохор понял, что делиться своими соображениями Бергамотов не спешит. А раз так, то и он сам не обязан ничего ему докладывать – во всяком случае, сверх того, что объяснило бы его пленение бандитами Васьки Пороха.

– Понимаю ваш пыл, Двушкин, однако советую не полагаться более на чудесное спасение нашими силами, ибо такое везение выпадает только раз в жизни, – продолжил Бергамотов. – Однако чувствую, что вы не намерены отступать от расследования, в которое угодили явно случайно. Посему предлагаю вам вести это дело вместе!

Прохор слегка поморщился. Ну да, знаем мы такие предложения от господ сыщиков, салонных чистоплюев! Ясно как день, что Бергамотову, по причине его немощи, нужны глаза и дополнительная пара быстрых ног. Он, Прохор, будет поставлять ему с риском для жизни добытую информацию, а сыщик станет делать вид, что сам раскрыл преступление, и загребать жар чужими руками. А вместе с ним и славу, и, вероятно, деньги!

– Соглашаться! – подал голос безмолвный до той поры индеец со странным именем Небо. Говорил он по-русски вполне понятно, только со странным гортанным придыханием. Открыв глаза и выплюнув эту короткую и емкую фразу, он снова прикрыл их. А лежавший у ног сыщика пес Зигфрид твякнул, словно в подтверждение.

– Ну... Не думаю, что мое начальство согласится... Да и вообще... – пробормотал Прохор, размышляя, как бы так отказаться, чтобы больше не приставали. А краем глаза заметил одного из важных полицейских чинов, который направлялся в их сторону. В нем, на свою беду, Курицын узнал полковника Брюхатова, с которым ему несколько раз приходилось сталкиваться, причем при весьма и весьма неприятных обстоятельствах. Мало того что полковник имел на Прохора зуб и как-то публично грозился услатить его в места не столь отдаленные, но он мог к тому же испортить все дело, назвав его по имени – Прохором Курицыным, а не Павлом

Двушкиным. И опять же, приписать ему членство в банде Васьки Пороха и устать в места не столь отдаленные...

В этот момент снова раздался взрыв – в одном из полуразрушенных складских помещений что-то запоздало сдетонировало. Пользуясь возникшей неразберихой, Прохор осторожно отошел в сторону, а затем дал деру. Больше всего он боялся, что за ним устремится зверского вида пес, но этого, слава богу, не случилось.

– Ушел! – констатировал Мэхпи, от взора которого, конечно же, не ускользнуло бегство Прохора. Зигфрид тявкнул, вскочил, явно собираясь пуститься вслед незадачливому журналисту, но Орест Бергамотов положил ему руку на загривок и произнес:

– Да, ушел. И все равно бы сейчас ничего важного не рассказал. Молодой человек воспринимает нас как врагов и, что еще ужаснее, конкурентов. Но не сомневаюсь, что мы с ним вскоре столкнемся. Больше того, уверен, что он сам к нам обратится!

– Имя! – добавил индеец, склонный к односложным фразам, и Бергамотов подтвердил энергичным кивком головы:

– Да, ты прав, Мэхпи, имя, конечно, он нам сообщил не свое, а чужое. Потому как господин Двушкина я имею счастье, вернее несчастье, знать, хотя бы и шапочно. А ведь можно изменить внешность, но нельзя изменить голос. И это был голос совершенно другого человека. Но, думаю, мы вскоре узнаем, каково истинное имя нашего нового знакомого.

К ним быстрым шагом приблизился полковник Брюхатов – высокий, плотный человек с роскошными бакенбардами и обманчиво добрым лицом.

– Никто, слава богу, не пострадал! – сообщил он. – Но все равно осторожнее надо быть. Однако славно притон Васьки Прохора разгромили.

– Но самого его упустили! – сухо заметил Бергамотов – как и у Прохора, у него отношения с полковником были весьма непростые.

Тот же, хитро взглянув на сыщика, произнес:

– Ну, упустить упустили, но двух его людишек, хоть и немного помятых, прихватили. Ничего, выложат как миленькие, где их главный скрывается!

– Не думаю, – еще суше произнес Бергамотов, а полковник потер руки.

– Не думаете, Бергамотов, что скажут? Скажут, куда денутся! Конечно, у них, как в сицилийской каморре, обет молчания и кодекс воровской чести, но и не таким молчунам языки развязывали – причем, заметьте, исключительно дозволенными средствами!

Орест Самсонович скривился – ему было известно, что именно подразумевал полковник под «дозволенными средствами». Брюхатов явно желал выслужиться и сделать стремительную карьеру, поэтому средствами не брезговал. И что хуже всего, не был ни дураком, ни моралистом. А сочетание изворотливого ума и полного отсутствия этических принципов делало его человеком страшным. Но Бергамотов знал, что полковнику он нужен, как, впрочем, и полковник ему, – и этот странный симбиоз, несмотря на обоюдное неприятие, длился уже третий год, с момента возвращения Ореста Самсоновича в столицу.

– Не думаю! – повторил сыщик. – Верю, что заставите. Вы любого разговорить сумеете, даже камень. Только не сомневаюсь и в том, что захваченные вами легаты Васьки Пороха элементарно не в курсе, куда направился их босс. А применяя ваши так называемые дозволенные средства, вы сами же подтолкнете их к лжесвидетельству, схватитесь за ложную нить, которая заведет вас в тупик, и в итоге потеряете драгоценное время. А Профессор получит возможность осуществить то, что задумал!

По мере его монолога лицо полковника Брюхатова сделалось сначала красным, потом пурпурным, затем, наконец, фиолетовым.

– Хватит, Бергамотов, стращать меня вашим Профессором! Все это бредни, меньше мистера Конан Дойля читать надо! Нет и быть не может у нас в столице никакого суперпреступника, гения криминального мира! Все это ваша попытка привлечь к себе внимание газе-

тенок. Не даром же ошивался около вас этот скользкий тип, Прохор Курицын. Куда он, кстати, делся?

– Видимо, скрылся! – учтиво заметил сыщик, и полковник фыркнул. Тут к нему подошел один из подчиненных и протянул листок, изучив который Брюхатов воскликнул:

– Ага, отлично! Вот это я понимаю, настоящая оперативная полицейская работа! Не то что в нелепых рассказах господина Державина-Клеопатрова.

И, ничего не говоря Оресту Бергамотову, быстрым шагом двинулся к одной из полицейских пролеток.

– Зигфрид! – тихо произнес сыщик, и пес встрепенулся. Когда пролетка с находящимся в ней полковником тронулась в путь, Зигфрид затрусил за ней.

– Домой! – сказал Мэхпи, а Орест задумчиво ответил:

– Пожалуй, да! Надо отдать должное интуиции нашего полковника – операция, на которую возлагалось так много надежд, себя не оправдала. Значит, придется поразмыслить и проанализировать имеющиеся факты. Но хоть одно хорошо – теперь мы знаем имя нашего юного репортера. Прохор Курицын – имя и фамилия, которые прочат успех, не находишь, Мэхпи?

Прохор добрался до своего скромного жилища на Боровой без особых проблем. Проскользнув наверх, да так, чтобы хозяйка не увидела, ибо квартирную плату он задолжал уже за два месяца, журналист быстро умылся, переоделся, натянул яркие скрипящие штиблеты и жилетку и, наскоро перекусив, отправился в редакцию «Бульварного экспресса».

Там дым стоял коромыслом от сигаретного дыма и царил оглушительный, ни на секунду не прекращающийся стрекот печатных машинок. Подмигнув одной из машинисток и вогнав в краску другую, Курицын направился в кабинет главного редактора – но высокого начальства, как назло, не оказалось на месте (что, однако, приключалось в последнее время частенько: видимо, дела издательские...).

Курицын скользнул в свою каморку, черкнул три записки, запечатал их, потом поднял трубку телефона и по памяти набрал хорошо известный ему номер. Минут через пятнадцать в здание редакции вошел чумазый подросток в картузе, который постоянно съезжал ему на нос.

– Вот, передашь лично в руки! – произнес Прохор командирским тоном и сунул мальчишке несколько монет.

Тот шмыгнул носом, бросил взгляд на адреса на записках и просипел:

– Маловато будет, барин!

Вздыхнув, Прохор добавил еще полтинник.

– Держи, шантажист! И смотри, не читать, как в прошлый раз. Иначе обращусь к услугам конкурентов!

Мальчишка, хоть такого мудреного слова и не ведавший, моментально понял, что имеет в виду этот фраер, строивший из себя важную птицу.

– Доставлю в лучшем виде, барин! – заверил мальчишка, ущипнул проходящую мимо машинистку и скрылся.

Прохор был крайне доволен собой. Что ж, день прошел недурственно, а предыдущая ночь – и того слаще. Он остался в живых, принял непосредственное участие в разгроме логова Васки Пороха и познакомился, хоть и не по своей воле, с господином сыщиком.

А что важнее всего – узнал много нового о Наполеоне преступного мира по кличке Профессор! О, это будет подлинная сенсация, и начальству она очень понравится! Им требовалась сенсация – и вот она, с пылу с жару! Ничего более сногшибательного все равно не раскопать!

Тут появился еще один оборванец, правда, помладше и помельче. В руках он держал небольших размеров сверток.

– Кто у вас тут главный? – спросил он, и Прохор, важно выступив вперед, ответил:

– Я!

Курьер сплюнул на пол, смерил его взглядом и усомнился:

– Брешешь, дядя!

Прохор подошел к мальчишке, дал ему щелбана и сказал:

– Пока начальство отсутствует, замещаю его я. Тебе что, генеральную доверенность, у нотариуса заверенную, продемонстрировать?

– Цидулька для начальства! – сообщил мальчишка, и Прохор потянулся за свертком. Но курьер проворно спрятал его за спину и сказал:

– С тебя, дядя, рупь!

Прохор умел торговаться, поэтому сошлись на тридцати копейках, тем более что гонорар от отправителя мальчишка уже получил. Расплатившись, Прохор стал обладателем свертка, направленного, как гласила странная, выведенная красными чернилами на плотной коричневой оберточной бумаге надпись, в руки главного редактора «Бульварного экспресса».

Прохор знал, что посылку необходимо отнести в кабинет начальства, которое, вернувшись, само ее вскрыет. Однако было любопытно узнать, кто прислал этот таинственный сверток.

Долго искать не пришлось – сбоку имелась надпись. Точнее, даже две. Первая, выведенная, как и адрес, странными красными чернилами, гласила: «ИЗ АДА». Вторая была и того жутче – «ОТ ДЖЕКА-ПОТРОШИТЕЛЯ».

Сердце у Прохора екнуло, но не от страха, а от предчувствия чего-то занимательного и скандального. О Джеке-потрошителе, этом кошмарном убийце, кромсавшем шлюх в Лондоне в год его, Прохора, рождения, он, конечно же, был наслышан. Как и о том, что сей нелюдь возник ниоткуда и ушел в никуда. И вот, стало быть, двадцать пять лет спустя после исчезновения он объявился в столице Российской империи?

В возвращение маньяков после отсутствия в четверть века Прохор не верил. Наверняка посылка от очередного городского сумасшедшего, жаждущего шумной славы. Конечно, тот Джек-потрошитель посылал письма и в полицию, и в редакции ряда газет и журналов, но, как доказала экспертиза, писались они разными людьми – наверняка все теми же психически неуравновешенными личностями. И конечно же, по-английски, а не по-русски, как это послание. Хотя ведь ходили слухи, что Джек был то ли русский дворянин, то ли польский студент-медик, то ли курляндский моряк, то есть мог владеть одновременно и английским, и русским...

Но давняя история, несмотря на всю свою жуть, была основательно забыта. Так что означало это мелодраматичное возвращение Джека-потрошителя?

– Важное сообщение! – произнес на всю редакцию Прохор, посчитав, что если коллеги поддержат его решение вскрыть посылку, адресованную начальству, то нагоняя не будет. – Пришла бандероль из ада. *От Джека-потрошителя!*

Сия новость, как и рассчитывал Курицын, вызвала всеобщий ажиотаж. Машинистки приостановили работу и начали притворно охать и ахать. Журналисты, дымя папиросами, сгрудились вокруг стола, на котором лежала жуткая посылка.

Тут как тут оказался и Павел Двухкин – лысоватый, бледноватый, косоватый человечек со скрипучим голосом и потными руками.

– Ах, надо открыть, вдруг там что-то важное! – щебетали девушки, но Двухкин категорически заявил:

– В отсутствие главного редактора решения принимаю я! И раз посылка адресована начальству, то оно его и вскрыет!

Спорить с ним было бесполезно. Он поднял посылку, намереваясь отнести ее в кабинет начальства, но Прохор задержал его, указывая на темный след, оставшийся на деревянной поверхности:

– Это что?

Двушкин, который был ко всему прочему еще и слеповатым, склонился над столом, понюхал странное пятно и проскрипел:

– Думается, кровь!

– Господи, как жутко! Я так боюсь! – воскликнула одна из машинисток – впрочем, тон ее был более чем бодрым.

– Тем более нечего вскрывать без начальства! Ну, хватит прохлаждаться! За работу! – приказал Двушкин.

Проход скривился – ну и коллеги! Никто не решился вступить с Двушкиным в дискуссию! Хотя наверняка всем хотелось узнать, что же находится внутри. Значит, придется дожидаться начальства...

Но не пришлось. Минуты через три после того, как Двушкин скрылся со свертком, откуда-то из глубин редакции раздался сдавленный утробный крик, а затем глухой звук падения чего-то массивного.

Все ринулись в кабинет начальства, и Проход был первым, кто вошел туда и обнаружил лежащего на полу Двушкина. Руки и одежда у него были в крови.

– Господи, да он мертв! – произнес кто-то, но быстро выяснилось, что Двушкин жив, хотя и находится без сознания. И повреждений, которые могли бы объяснить происхождение крови, на его теле обнаружено не было.

– Но откуда тогда взялась кровь? – задал резонный вопрос один из журналистов.

Курицын, находящийся ближе всех к столу, указал на посылку – она была вскрыта. Так и есть, не утерпел Двушкин, захотел первым узнать, что же там находится. И заплатил за свое любопытство!

Обертка скрывала шляпную коробку из папье-маше, края которой пропитались чем-то вязким и темным. Проход не сомневался, что это кровь.

Никто не решался подойти к коробке и заглянуть внутрь. Проход, собравшись духом, сделал это. То, что он увидел, вызвало у него приступ дурноты. И все же, преодолевая его, он осторожно поднял коробку и сунул под нос одному из коллег.

– Сердце! – вскрикнул тот, в ужасе пятясь. – Бычачье или свиное?

Рассмотрев ужасный подарок, Проход пробормотал:

– Боюсь, что человеческое!

Раздался сдавленный стон и звук падения еще одного тела – на этот раз чувств лишилась одна из машинисток.

Проход осторожно поставил страшную посылку на стол. Конечно, существовала высокая вероятность того, что сердце, как и предположил коллега, было бычачье или свиное. И что прислал его какой-то столичный псих.

Однако Проход отчего-то склонялся к мысли, что сердце человеческое. А если так, это значило, что легендарный убийца Джек-потрошитель... Что он...

Проход снова заглянул в коробку и увидел на дне надпись, смазанную кровью. И все же он смог прочесть ее, и от этого все его тело покрылось мурашками.

Ибо надпись гласила: «Я вернулся!»

«Конец первой части
повести Леонида Державина-Клеопатрова
«ОРЕСТ БЕРГАМОВ И ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ», издательство
«Ктулху».

Загружайте бесплатный текст на странице издательства.

Среди подписавшихся на рассылку проводится розыгрыш путевки в Лондон на пять дней с экскурсией по местам боевой славы Джека-потрошителя.

Читай – и получишь главный приз от издательства «Ктулху».

Вторая часть выйдет в ближайшие дни.
Продолжение следует...»

Дверь тихо захлопнулась, и три пары глаз устремились на появившегося в просторной, богато, но крайне безвкусно обставленной гостиной сутулого долговязого мужчину лет сорока пяти, с седеющей бородкой, глубокими залысинами и старомодными очками-велосипедом.

– Ну что? – спросила женщина, молодая, стильно одетая брюнетка из разряда деловых дам, облаченная во все черное и шелестящее. – Доктор, он в кондиции?

Мужчина с бородкой, который в самом деле был доктором, вздохнул и сделал неопределенной жест левой рукой (в правой он держал старомодный, черной кожи саквояж).

– Что это значит? – подал голос молодой небритый блондин в строгой жилетке, рваных джинсах и огромных оранжевых кедах, развалившийся на кожаном диване. – Он сможет дать интервью или нет?

Доктор не удостоил его ответом и посмотрел на пожилую полную даму, застывшую в дверном проеме.

– Может быть, Леониду Мстиславовичу куриного бульончика? – спросила она тихим сдобным голосом.

– Леониду Мстиславовичу только что сделали промывание желудка! – визгливо напомнил блондин. – Идите на кухню, уважаемая, и не мешайте нам!

Дама вспыхнула, а доктор, подойдя к ней, сказал:

– Благодарю за предложение, Лариса Григорьевна, но пациенту сейчас нужен покой. А вот я от вашего вкуснящего куриного супчика не откажусь...

Лариса Григорьевна расплылась в улыбке:

– Конечно-конечно, Михаил Николаевич! Может, и рагу тоже будете? А то ведь я приготовила, Леонид Мстиславович его так любит!

– А еще больше он любит джин с тоником! И водку! И абсент! А в особенности коньяк и виски! – злобно перечислил блондин, и в этот момент завибрировал его навороченный смартфон. Молодой человек подпрыгнул, его лицо передернулось, он принял звонок и сладким голосом, разительно отличающимся от прежнего, просюсюкал:

– Да, Юрий Викторович! Увы, нет, Юрий Викторович. Да, понимаю, Юрий Викторович. Конечно, виноваты, Юрий Викторович. Да, я болван, Юрий Викторович. Нет, он тоже помочь не может, Юрий Викторович...

– Дай я поговорю! – властно произнесла деловая дама, протягивая руку, увенчанную черными накладными ногтями. – Ну, живо, Славик!

Доктор Михаил Николаевич, скупое усмехнувшись, проводил добрейшую Ларису Григорьевну на кухню, оборудованную по последнему слову техники и занимавшую площадь никак не меньше стандартной столичной «двушки». Как он уже давно уяснил, в жизни крайне популярного писателя были, вне всякого сомнения, свои преимущества. Но вспомнив, в каком состоянии он обнаружил этого самого крайне популярного писателя в спальне около часа назад, он в который раз подумал, что имелись и недостатки.

– Так вам супчику? Или рагу? Может, и на десерт оладушки с малиновым вареньем? – суежилась Лариса Григорьевна, которая в течение почти двадцати лет являлась ангелом-хранителем и экономкой в роскошной квартире писателя Леонида Державина-Клеопатрова.

Доктор усадил ее на стул и сказал:

– Отдохните! Давайте я сварю вам кофе! И не перечьте – я вам это как врач прописываю!

Когда он наконец поставил перед экономкой писателя чашку кофе, то заметил, что она украдкой смахивает слезы.

– Михаил Николаевич, доколе? – произнесла она. – И что же делать? Ведь он пьет, и все больше и больше!

– Я уже высказывал свое экспертное мнение – в данном случае, увы, нужно принимать радикальные меры и поместить его в закрытую клинику...

– Но ведь он не желает! – воскликнула экономка. – Или можно против его желания?

Доктор развел руками, а экономка затараторила:

– Да, можно! Даже нужно! Я ведь с детства Ленечку знаю! Он талантливый уже тогда был! И я знала, что он станет знаменитым писателем. Правда, он уже тогда был сорвиголовой... И пить начал, но ведь только после того, как эта ужасная трагедия с семьей случилось, – все на даче угарным газом отравились! Кроме него, маленького...

Михаил Николаевич слушал вполуха, так как эта драматичная история была ему отлично известна.

– Ему лечиться надо, я давно твержу, но Леня меня и слушать не хочет! И это все они, эти издательские! Еще бы, они на Ленечке столько зарабатывают, что страшно подумать! И загнали его вконец, бедного... А вместо того чтобы помочь, стараются последние сливки снять, прежде чем на свалку выбросить...

Она залилась слезами, а Михаил Николаевич снова вздохнул. Привычка Ларисы Григорьевны видеть во всем происки издательства «Ктулху», в котором выходили пользующиеся (невесть, вообще-то, почему) сенсационной популярностью романы и повести Леонида Державина-Клеопатрова о слепом сыщике-гроссмейстере Оресте Бергамотове, расследовавшем запутанные дела в начале двадцатого века, были ему известны. Но Михаил Николаевич, хотя и признавал, что алкоголизм является болезнью, все же был уверен, что каждый сам кузнец своего счастья.

Его функция в течение последних шести лет заключалась в том, чтобы сначала изредка, потом время от времени, а в последние месяцы практически каждый день приводить в чувство господина беллетриста, который стал жертвой «зеленого змия». Ему платили отличные деньги – в том числе и за молчание. Хотя, конечно, утаить от общественности факт пристрастия известного писателя к горячительным напиткам было невозможно, тем более в век Интернета и себяшечек.

Утешением было разве что то, что писатель, почитавший своего лечащего врача закадычным другом, дал его фамилию своему слепому сыщику-гроссмейстеру, когда около пяти лет назад начал работу над новым циклом приключенческих романов. Его предыдущий герой, собственно, и сделавший в середине девяностых ослепительно популярным никому не известного автора Леонида Дудкина, писавшего под роскошным псевдонимом Державин-Клеопатров, страдал аллергией на солнечный свет и звался библиографом Василием Калиостро. В последнем романе, осточертев автору и отчасти читателям, он стал жертвой своей редкой болезни и, подобно вампиру, сгорел заживо, оказавшись при фатальном стечении обстоятельств на рассвете в пустыне Гоби, успев, однако, передать эстафету молодому естествоиспытателю Оресту Бергамотову. Это льстило самолюбию доктора и позволяло сдерживаться во время общения с писателем, который отличался холерическим нравом, будучи трезвым, и просто вулканическим темпераментом, основательно напившись.

– Вы же знаете, Лариса Григорьевна, что «Ктулху» носится с ним как с писаной торбой. И Леонид Мстиславович уже четырежды начинал лечение и все четыре раза его прерывал. Но вы правы, я уже много раз поднимал вопрос о помещении Леонида Мстиславовича в особую частную клинику за границей, однако...

Он подумал о своем последнем разговоре с генеральным директором издательства, тем самым Юрием Викторовичем, звонок от которого заставил так дрожать развязного блондина, являвшегося заместителем начальника секции классического детектива Владислава Столярова.

В конце концов, каждый выбирает то, что ему удобно. Юрий Викторович выбрал возможность сотrudничать с автором, покуда это возможно, не отвлекаясь на всякого рода пустяки

типа алкогольной зависимости. Сам автор выбрал возможность бездарно спускать свой талант и разрушать свое здоровье, напиваясь каждый второй день. Он же, доктор Бергамотов, выбрал возможность получать более чем весомый гонорар от издательства, каждый раз ставя автора на ноги и закрывая глаза на то, что его пациенту требуется интенсивное лечение в течение долгого, вероятно очень долгого, времени – в полном отрыве от творческого процесса.

Однако в отличие от Ларисы Григорьевны, доводившейся Державину-Клеопатрову дальней родственницей, доктор не хотел становиться нянькой этому неприятному, избалованному, но, вне всякого сомнения, одаренному человеку.

И все же доктор Бергамотов не мог отделаться от ощущения, что заглушает голос совести пачками денег от «Ктулху» и позволяет навязывать себе решения, принятые не во благо пациенту, а исходя из интересов издательства.

Или он ошибался?

Доктор снова вздохнул, выпил кофе, вообще-то сделанный им для экономки, и, сказав ей несколько дежурных фраз, вернулся в гостиную.

Бизнес-леди, звавшаяся Эльвирой Ильинской, была пресс-секретарем издательства «Ктулху» и, по слухам, пассивной, хотя бы и бывшей, генерального директора.

– Итак, чем можете порадовать, Бергамотов? – спросила она, даже не взглянув в его сторону. Михаил помнил, что в самом начале она на полном серьезе пыталась затащить его в постель. Он сам удивлялся, что она в нем нашла – он был далеко не красавец, шутником или очаровашкой тоже не являлся. Но, как доктор понял позднее, Ильинской, которую за глаза, хотя и не без уважения, прозвали «Эльвирой – властительницей тьмы» за ее надменный тон и привычку одеваться во все черное, было важно, чтобы все мужчины, с которыми она имела дело, обожали ее, более того, сходили по ней с ума и хотели одного – оказаться с ней в постели. А вот он не проявил интереса, а, поужинав с ней в дорожном московском ресторане, проводил домой и, проигнорировав более чем откровенное предложение заглянуть на кофеек, галантно поцеловал руку и отбыл восвояси. То, что он не повелся на ее уловки, страшно оскорбило Эльвиру, она приложила все усилия, чтобы избавиться от доктора, заменив его кем-то другим, ей даже это удалось, но Державин-Клеопатров устроил грандиозный скандал, грозя разрывом всех отношений с «Ктулху» в том случае, если ему не вернут «его Бергамотова». Кажется, для беллетриста он стал своего рода талисманом.

Так доктор Бергамотов снова сделался лейб-медиком писателя, понимая, что в лице Эльвиры обрел заклятого врага. С тех пор она звала его исключительно по фамилии и исключительно на «вы».

– Ему нужен отдых. Я сделал ему внутривенную инъекцию, он теперь проспит до утра. Предлагаю подумать о моем предложении, я уже подыскал подходящую клинику в Таллине...

Эльвира прервала его:

– Вам, Бергамотов, платят деньги не за то, чтобы вы предлагали подумать. Думать будут те, кто это умеет. Никакой клиники. Если раньше скандалы с ЛДК только подстегивали интерес, то после того, как он наблевал во время записи «Народного ток-шоу» на туфли ведущему, эту тему педалировать ни в коем случае нельзя...

ЛДК на издательском жаргоне «Ктулху» именовался их самый маститый творец, Леонид Державин-Клеопатров.

– А что сказал Юрий Викторович? – с вызовом спросил Столяров.

Эльвира, передразнив его, просюсюкала:

– Да, Юрий Викторович! Нет, Юрий Викторович! Конечно, пойду и прыгну с двадцать пятого этажа, Юрий Викторович! Ладно, проехали! Сказал, что посещаемость сайта после публикации первой части «Ореста Бергамотова и Джека-потрошителя» возросла, но того количества загрузок, которые ты нам вместе со своими мазуриками прогнозировал, достичь, конечно же, не удалось!

– Но ведь только неделя прошла... – пролепетал, покрываясь пунцовыми пятнами, заместитель начальника секции классического детектива.

– Только! Уже целая неделя прошла! И пик явно пройден! Рассчитывать на то, что цифры будут расти, нельзя! Проект, думаю, придется прикрыть. Дурная была идея – привлечь внимание к исписавшемуся и, что ужаснее всего, спившемуся литератору посредством публикации повести с продолжением, причем с совершенно бесплатным доступом к тексту!

– Юрий Викторович идею одобрил! – напомнил Столяров, и Эльвира снова передразнила:

– Одобрил! Юрий Викторович все, что угодно, одобрит, потому что большую часть своего драгоценного времени проводит не в Москве, заботясь о благополучии издательства, а в Лангедоке, на берегу Средиземного моря! И вообще, талант если у ЛДК и был, то давно канул в Лету. Точнее, в океан водки и джина с тоником. Первые романы про этого слепого зануду-сыщика были еще ничего, но последние – просто мрак! Начиная с «Ореста Бергамотова и Евгения Онегина» откровенная халтура пошла. А про воскресшего Джека-потрошителя – так вообще бред! Сплошные штампы, мелодраматическая мура, стандартный сюжет! А этот медиум и убийство в доме графини! Такого не бывает, решительно не бывает! Тема с огромным бриллиантом стырена из «Лунного камня» Уилки Коллинза. Исписался ЛДК, однозначно исписался! Хоть «литературных негров» привлекай, и те живее и интереснее строчить будут...

Доктор Бергамотов не разделял мнения Эльвиры, но, зная ее стервозный характер, вмешиваться в перепалку не стал.

Владислав Столяров, лицо которого из багрового стало иссиня-белым, произнес:

– Не тебе судить, Эльвира! У нас в отделе все зачитываются ЛДК, он – живой классик! И наоборот, продажи «Ореста Бергамотова и Евгения Онегина», где предлагается оригинальная версия последней, тайной главы наиболее значимого произведения нашей с тобой родной литературы, были самые высокие из всех романов ЛДК! А оценить прелесть «Ореста Бергамотова и Джека-потрошителя» может только истинный поклонник таланта ЛДК, которым ты не являешься! И речи не может быть о том, чтобы прекратить публикацию повести с продолжением в Интернете! Только через мой труп!

Он выдохся, а Эльвира иронично спросила:

– Мысль свою жутко умную завершил? Надо будет, и через твой труп перешагнем, Славик. Вперед и с песней! А о замене нашего дорогого и любимого ЛДК на команду живехоньких, дешевеньких и, что важнее всего, непьющих студентиков филфака все же надо подумать. Потому что ЛДК скоро до зеленых чертей допьется, и тогда придется проект «Орест Бергамотов» закрывать. А так – пусть дядя пьет горькую и в дурке сидит, а романы будут исправно выходить по три в год.

Столяров плюхнулся на диван и мрачно проговорил:

– Читатели тотчас заметят подмену! Потому что скопировать стиль и сюжетные ходы ЛДК под силу только поистине гениальному имитатору!

– За те бабки, которые мы отвалим, будет пруд пруди гениальных имитаторов! – безапелляционно заявила Эльвира.

– И все же я думаю... – начал Столяров, но тут зазвонил мобильный Эльвиры.

Доктор Бергамотов отметил, что для «ктулхушников», как он про себя звал работников издательства «Ктулху», он давно стал своим в доску. Даже ненавидящая его Эльвира не испытывала чувства неловкости, обсуждая в его присутствии далеко не самые законные планы стратегического развития литературного бренда «Орест Бергамотов». Как же, однако, просто: ЛДК будет тихо спиваться, пока не помрет от цирроза печени или не додеградирует до белой горячки (или, в самом неблагоприятном случае, не заработает и то и другое), а под его именем будут выходить романы об изобретенном им же слепом сыщике-гроссмейстере!

Наверное, он так болезненно реагировал на эту не самую радужную перспективу, потому что этот Орест Бергамотов, поддельный, а не настоящий, носил его собственную фамилию! И подменяя литературного персонажа, Эльвира и прочие «ктулхушники» словно загоняли нож в плоть его реального прототипа.

Кстати, похоже, и роковая красотка была названа в честь Ильинской – вот умора! А Курицын частично скопирован со Столярова...

– А вы что об этом думаете, Михаил Николаевич? – спросил Столяров, который уже успел прийти в себя и снова развалился на кожаном диване. – Вы же, я знаю, большой поклонник творчества ЛДК...

Доктор кивнул:

– Эльвира в чем-то права... Нет, с «Ореста Бергамотова и Евгения Онегина» качество романов не ухудшилось, но... Они изменились! Стали не хуже и не лучше, просто несколько другими... Мне сложно это выразить словами, но создается впечатление...

В этот момент в прихожей огромной квартиры в Староконюшенном переулке раздалась мелодичная трель.

Доктор Бергамотов смешался, потеряв нить повествования, но Столяров продолжал внимательно его слушать.

– Значит, вы считаете, что... – переспросил он, но в этот момент в зал ворвалась Эльвира.

– Так, Бергамотов, вы должны до завтра поставить ЛДК на ноги. Потому что завтра в шестнадцать ноль-ноль у него интервью, которое вечером пойдет по Первому. И надо сделать так, чтобы наш клиент выглядел опрятно и не нес всяческой чуши!

Доктор кивнул, а Эльвира переключила свое внимание на Славику.

– Нам нужен скандал, но в положительном плане, ты понял? Никаких попоек, никаких эксцессов с блевотиной на ноги известного ведущего. Пиар и паблисити только со знаком плюс. Но при этом нечто такое, нечто такое... Гм, все идеи пиар-отдела замшелые и идиотские. Да и все твои предложения крайне слабенькие. Нам нужно что-то эдакое, что-то...

Тут в зал заглянула Лариса Григорьевна. По ее лицу доктор Бергамотов понял, что ей требуется помощь. Он вышел в коридор, и экономка произнесла:

– Михаил Николаевич, мне, право, неловко, но... Вы бы не могли мне помочь?

Она подвела его к входной двери и указала на небольшой экран, на котором высвечивалась фигурка светловолосой девушки, стоящей внизу, у стойки консьержа.

– Мне кажется, что это происки конкурентов! – прошептала Лариса Григорьевна. – Вы же помните, что издательство «Вольдемор» пыталось переманить Леонида Мстиславовича... А он им отказал, хотя, возможно, надо было согласиться! И они теперь пытаются его скомпрометировать! Или это вообще «Скрытая камера»...

Не понимая, о чем речь, доктор спросил в домофон, в чем дело. Девушка ответила, что ей надо срочно поговорить с Леонидом Державиным-Клеопатровым.

– Он занят. Ему что-нибудь передать? – спросил он, и девушка вдруг воскликнула:

– Я уже сказала даме, которая со мной беседовала, что речь идет о жизни и смерти! Потому что кто-то совершил убийство... Кто-то вырезал человеку сердце – точно так же, как в первой части повести Леонида Мстиславовича «Орест Бергамотов и Джек-потрошитель»!

Спустившись на первый этаж к стойке консьержа, Михаил Николаевич убедился, что девица пришла одна и никакие вездесущие репортеры с камерами нигде не притаились. Доктор попросил консьержа информировать всех желающих побеседовать с писателем, что он сегодня не принимает, и тот понимающе кивнул.

Взяв девицу за рукав, Бергамотов потянул ее вглубь подъезда и, замерев около огромного, с росписью в стиле хохломы, горшка с фикусом, спросил:

– Как вас зовут?

Девушка, раскрыв темные, практически черные глаза, ответила:

– Ариадна...

Доктор усмехнулся. Ну да, конечно, Ариадна, волшебный клубок пряжи которой выведет его из лабиринта с Минотавром. Так и есть, Лариса Григорьевна права – чья-то провокация. Хотя не исключено, что это проделки поклонницы Ореста Бергамотова, обладающей неуравновешенной психикой и, вероятно, принимающей наркотические препараты.

Профессиональным жестом измерив девушке пульс, на что она не выказала ни малейшего протеста, доктор Бергамотов оттянул ей нижнее веко правого, потом левого глаза, дотронулся до лба, а затем ловким жестом задрал рукав легкой куртки. Следов инъекций не было.

Девушка отпрянула, а доктор произнес:

– Покажите вторую руку!

Она тряхнула длинными светлыми волосами и произнесла:

– Вы такой же, как все остальные! Кстати, вы в курсе, что похожи на прозектора Пузыря?

Доктор приложил немалые усилия, чтобы сдержать улыбку. Конечно, он был в курсе – внешность прозектора Ильи Емельяновича Пузыря, второстепенного, но зачастую важного героя романов об Оресте Бергамотове, была списана с его собственной – сутулая долговязая фигура, выпуклый череп, глубокие залысины, седоватая бородка и, конечно же, очки-велосипед.

Выходило, что ЛДК увековечил его образ дважды: один раз – подарив сыщику-гроссмейстеру его фамилию, а второй раз – прозектору-философу его внешность.

– Вы любите романы Державина-Клеопатрова? – спросил доктор, и девушка со слабой улыбкой ответила:

– Обожаю! Как и вообще детективы. Но первая часть его повести «Орест Бергамотов и Джек-потрошитель»... Она другая! И передайте Леониду Мстиславовичу, чтобы он больше не писал про медиумов и про... предсказания!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.